A 14 4/38

А XIV 4/38

Кюхельбекеръ и Пущинъ

въ день 14 декабря 1825 года.

По письменнымъ показаніямъ В. К. Кюхельбекера, данным слѣдственной комиссіи Верховнаго уголовнаго суда.

Н. А. Гастфрейнда.

С.-Петербургъ
Столичная типографія. Гороховая 12 (уг. Б. Морской).
1901.

ПУШКИНЪ.

Документы Государственнаго и С.-Петербургскаго Главнаго Архивовъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Цѣна 75 коп.

Издалъ Н. А. Гастфрейндъ.

Съ хромотипическимъ снимкомъ съ лицейскаго диплома Пушкина и 7-ю снимками съ его автографовъ въ натуральную величину.

Продается у К. В. Мерперта,

Екатерининскій каналъ, 15.

И во всѣхъ книжныхъ магазинахъ (гг.: Вольфа, Карбасникова, Новое Время и пр.).

КЮХЕЛЬБЕКЕРЪ и ПУЩИНЪ

въ день 14 декабря 1825 года.

По письменнымъ показаніямъ В. К. Кюхельбекера, даннымъ слѣдственной комиссіи верховнаго уголовнаго суда.

Н. А. ГАСТФРЕЙНДА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Столичная типографія. Гороховая, 12 (уг. Б. Морской).
1901.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 Декабря 1900 г.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 11617
21 X 1931

А 14 4/38

Кюхельбекеръ и Пущинъ[1]

въ день 14-го Декабря 1825 г.

Кюхельбекеръ и Пущинъ принадлежатъ, какъ извѣстно, къ числу декабристовъ.

Вильгельмъ Карловичъ фонъ-Кюхельбекеръ родился въ С.-Петербургѣ 10 іюня 1797 г., умеръ въ Сибири въ г. Тобольскѣ 11 августа 1846 г.

Иванъ Ивановичъ Пущинъ родился въ 1798 г., умеръ, возвратившись изъ Сибири, 3-го апрѣля 1858 г. въ г. Бронницахъ.

Они оба поступили въ 1811 году въ только что открытый царскосельскій Лицей и были товарищами Горчакова, Корфа, Пушкина и Дельвига. Оба они приняли участіе въ возмущеніи 14-го декабря 1825 года, и оба были осуждены верховнымъ уголовнымъ судомъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и въ каторжныя работы. Но судьба ихъ послѣ осужденія не была одинакова. Пущинъ, вмѣстѣ съ другими декабристами, былъ сосланъ на каторгу, которая по иниціативѣ Императора Николая I обратилась для нихъ въ фиктивную

[1]) Настоящая статья была напечатана въ «Вѣстникѣ Всемірной Исторіи» (декабрь, 1900 г.). Но такъ какъ она подверглась здѣсь нежелательному для меня и притомъ довольно значительному сокращенію, которое коснулось даже заглавія, и вслѣдствіе этого мои взгляды не нашли для себя полнаго выраженія,—то изданіемъ отдѣльною брошюрою я имѣю въ виду дать моей статьѣ тотъ видъ, въ какомъ она мною написана.

каторжную работу и они проводили время въ самообразованіи и умственномъ трудѣ, устроивъ въ своей средѣ родъ вольнаго университета. Кюхельбекеръ же вмѣсто каторги провелъ десять лѣтъ въ казематахъ разныхъ крѣпостей въ одиночномъ заключеніи. Эта гуманная мѣра была хуже каторги, потому что онъ былъ лишенъ общенья съ товарищами по несчастью и могъ бы одичать, какъ Батеньковъ, еслибы его не поддерживала поэзія и собственный поэтическій талантъ.

Пущинъ былъ закоренѣлый, убѣжденный со школьной еще скамьи, реформаторъ и политическій дѣятель.

Кюхельбекеръ же политикою не занимался и попалъ въ члены тайнаго общества неожиданно для себя, а участіе его въ возмущеніи 14-го декабря Пушкинъ считалъ „похмѣльемъ въ чужомъ пиру!“ „Напрасно покойникъ Рылѣевъ, говоритъ Пущинъ [1]), принялъ Кюхельбекера въ общество, безъ моего вѣдома, когда я былъ въ Москвѣ. Это было незадолго до 14 декабря. Еслибъ вамъ разсказать всѣ продѣлки Вильгельма въ день происшествія и въ день объявленія сентенціи, то вы просто погибли бы отъ смѣху, несмотря, что онъ тогда былъ на сценѣ довольно трагической и довольно важной“. Такова характеристика товарища и друга Кюхельбекера. Другой товарищъ его, бар. Корфъ (впослѣдствіи графъ), говоритъ, что Кюхельбекеръ имѣлъ эксцентрическій умъ, пылкія страсти, необузданную вспыльчивость, что онъ почти полупомѣшанный, всегда готовый на самыя „курьезныя“ продѣлки. Какъ поэта, онъ считаетъ его выше Дельвига, а въ отношеніи Пушкина ставитъ его непосредственно за нимъ [2]). Н. И. Гречъ, его хорошій знакомый, но посторонній ему человѣкъ, говоритъ, что онъ отличался необыкновеннымъ добродушіемъ, безмѣрнымъ тщеславіемъ, необузданнымъ воображеніемъ, которое онъ называлъ поэзіею, раздражительностью, которую можно было употреблять въ хорошую и въ дурную сторону. [3]) Но всѣхъ сер-

---

[1]) Письмо Ив. Ив. къ дирек. Лицея Е. А. Энгельгардту 26 Февр. 1845 г. изъ Ялуторовска. См. книгу Я. Грота «Пушкинъ, его лиц. тов.» СПБ. 1899 г. стр. 181.

[2]) Записки Корфа. См. у Я. Грота: Пушкинъ, его лиц. тов. и т. д. стр. 244.

[3]) «Записки о моей жизни», Н. И. Греча. С.П.Б. 1888 г. изд. С. А. Суворина, стр. 383.

дечнѣе относился къ Кюхельбекеру его геніальный товарищъ, А. С. Пушкинъ. Онъ называлъ его нѣжными кличками „Виля“ и „Кюхля“. Для Пушкина онъ остался навсегда „лицейской жизни милый братъ“. Въ своемъ чудесномъ „19 октября 1825 г.“ („Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ“) Пушкинъ обращается съ слѣдующими двумя строфами къ Кюхельбекеру:

Служенье музъ не терпитъ суеты:
Прекрасное должно быть величаво;
Но юность намъ совѣтуетъ лукаво,
И шумныя насъ радуютъ мечты..
Опомнимся—но поздно! и уныло
Глядимъ назадъ, слѣдовъ не видя тамъ.
Скажи, Вильгельмъ, не то ль и съ нами было,
Мой братъ родной по музѣ, по судьбамъ?

* ■ *

Пора, пора! душевныхъ нашихъ мукъ
Не стоитъ міръ; оставимъ заблужденья!
Покроемъ жизнь подъ сѣнь уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый другъ—
Приди: огнемъ волшебнаго разсказа
Сердечныя преданья оживи;
Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа,
О Шиллерѣ, о славѣ, о любви.

Сколько сердечности, задушевности и тонкихъ намековъ находится въ этихъ немногихъ строкахъ: бурные дни Кавказа намекаютъ на пощечину, которую Кюхельбекеръ влѣпилъ кому-то изъ начальствующихъ во время своей тамъ службы у Ермолова, за что долженъ былъ оставить Кавказъ; волшебные разсказы и сердечныя преданья—это любимая тема музы Кюхельбекера—семейныя, рыцарскія преданія, въ приподнятомъ, фантастическомъ родѣ; Шиллеръ—это его любимый авторъ, въ которомъ Пушкинъ охарактеризовалъ склонность Кюхельбекера вообще къ нѣмецкой поэзіи—къ Клопштоку, Геснеру и другимъ, которой самъ Пушкинъ не долюбливалъ.

Трагическая судьба Кюхельбекера и Пущина послѣ осужденія верховнымъ уголовнымъ судомъ, столь рыцарски и великодушно смягченная благороднымъ сердцемъ Императора Николая вызвала трогательные стихи Пушкина: «19-го октября 1827 года»:

«Богъ помощь вамъ, друзья мои,
И въ счастьѣ и въ житейскомъ горѣ,
Въ странахъ чужихъ, въ пустынномъ морѣ [1])
И въ темныхъ пропастяхъ земли».

Здѣсь я приведу разсказъ Кюхельбекера, какъ очевидца и участника возмущенія 14 декабря 1825 г. по его собственноручнымъ донесеніямъ слѣдственной комиссіи верховнаго уголовнаго суда, доступъ до которыхъ мнѣ былъ Высочайше разрѣшенъ для составляемаго мною спеціальнаго труда о Кюхельбекерѣ. Документы эти нигдѣ не напечатаны. О Пущинѣ же я коснусь только эпизодически, для характеристики одного загадочнаго факта этого дня.

Оба они, хотя и товарищи, но разныхъ направленій, идеаловъ, характеровъ. И это различіе отразилось и въ ихъ собственноручныхъ показаніяхъ.

Пущинъ какъ бы глумится надъ вопросами, задаваемыми ему слѣдственною комиссіею и отвѣчаетъ на все незнаніемъ и невѣдѣніемъ.

Кюхельбекеръ же, напротивъ, послѣ первыхъ запирательствъ вполнѣ откровененъ, многорѣчивъ; старается самъ припомнить свои вины; боится что либо утаить; скорбитъ, если кого нечаянно вовлекъ въ отвѣтственность, старается его обѣлить и выгородить (какъ въ эпизодѣ со Львомъ Пушкинымъ); честность его доходитъ до комизма въ столь трагическій періодъ его жизни: онъ вспоминаетъ о неуплаченныхъ имъ долгахъ своему человѣку, за ѣду, портному, своимъ чистосердечіемъ онъ подкупаетъ читателя, это человѣкъ невиновный въ душѣ, но по сумасбродству и подговору впавшій въ преступленіе и старающійся облегчить правосудію исполнить не лицепріятно свой долгъ, мало заботящійся даже о себѣ и смѣло высказывающій свой profession de foi, съ безстрашіемъ лучшихъ сыновъ древняго Рима.

Первый допросъ Кюхельбекера былъ снятъ съ него въ Варшавѣ, куда онъ бѣжалъ, и такъ какъ этотъ допросъ напечатанъ цѣликомъ въ «Русской Старинѣ» (1873 г. т. VII, апрѣль, стр. 462—471) въ перепискѣ великаго князя Кон-

[1]) Намекъ на Ѳ. Ѳ. Матюшкина, находившагося въ кругосвѣтномъ путешествіи. См. также «Посланіе въ Сибирь», т. II, стр. 11.

стантина Павловича съ Ѳ. II. Опочининымъ, то я его не буду касаться, а ограничусь *только* собственноручными донесеніями или показаніями Кюхельбекера, относящимися до *дня 14 декабря 1825 г.* и извлеченными изъ дѣлъ верховнаго уголовнаго суда.

«Нѣсколько [1]) дней спустя по полученіи извѣстія о смерти государя, Рылѣевъ мнѣ объявилъ, что въ государствѣ есть тайное общество, желающее измѣненія въ образѣ правленія. На предложеніе въ оное взойти я согласился, но не раздѣлялъ всѣхъ личныхъ мнѣній Рылѣева, частію даже мнѣ неизвѣстныхъ. Членами я никого не зналъ, ибо мнѣ сказано было, что постановленіе общества не позволяетъ оныхъ открыть. Живши вмѣстѣ съ Одоевскимъ, я догадался, что онъ къ оному принадлежитъ, въ чемъ онъ мнѣ признался. За недѣлю до 14-го числа, бывъ у Рылѣева, я у него нашелъ много лицъ, съ коими онъ имѣлъ тайные переговоры, отводя ихъ въ сторону. Въ чемъ заключались оные—мнѣ неизвѣстно. До 14-го числа болѣе я ни отъ кого ничего не зналъ и не слышалъ. 14-го числа поутру, я собирался ѣхать къ моему товарищу по лицею князю Эристову, когда Рылѣева человѣкъ пришелъ меня звать къ своему господину. Придя къ нему, я у него нашелъ Пущина и Штейнгеля. Они мнѣ сказали, что полки должны сего утра присягать государю Николаю Павловичу, что многіе изъ оныхъ на сіе не согласны, и чтобъ я отправился на площадь, гдѣ дождался пришествія войскъ, къ коимъ присоединившись, кричалъ бы ура Константину. Придя на площадь и никого не найдя, я нѣсколько подождалъ и наконецъ пройдя домой, встрѣтился съ Одоевскимъ. Онъ мнѣ далъ одинъ пистолетъ изъ двухъ, коими былъ вооруженъ; потомъ пошли мы къ Рылѣеву. Здѣсь хотѣли меня послать, во первыхъ, въ конную артиллерію, гдѣ считали на офицеровъ Виламова и Малиновскаго; но потомъ рѣшили мнѣ ѣхать въ морской экипажъ. Пріѣхавъ въ оный, видѣлъ я Арбузова и брата, ужасавшихся происшествію московскаго полка, о буй-

---

[1]) Показаніе это не собственноручное Кюхельбекера, а писанное, вѣроятно, съ его словъ безграмотнымъ писаремъ.

ствѣ коего было уже имъ извѣстно. Спросилъ ихъ, что они полагаютъ дѣлать? Они мнѣ сказали, чтобъ я узналъ на площади и въ московскомъ полку, что происходитъ. Ѣхавъ туда меня изъ саней выкинули у Синяго мосту въ снѣгъ, гдѣ пистолетъ мой выпалъ и смокъ. На площади я нашелъ уже толпу московцевъ, окруженную народомъ, откуда проѣхалъ въ московскій полкъ, и возвращаясь въ экипажъ, меня болѣе въ оный не пустили. Тутъ я нашелъ у воротъ финляндскаго полка, полагаю, Цебрикова, который меня взялъ съ собою на площадь. Оставя его у Синяго мосту, гдѣ онъ хотѣлъ отдать свою шинель, я пѣшкомъ дошелъ до толпы бунтующихъ и взошелъ въ оную. Здѣсь нашелъ я московскаго полка Щепина-Ростовскаго и Бестужева; прочихъ полковъ Одоевскаго, Бестужева 2-го и 4-го и Оболенскаго, во фракахъ, Коховскаго, Пущина, Глѣбова и неизвѣстнаго мнѣ статскаго совѣтника съ плюмажемъ на шляпѣ, котораго надѣюсь, что узнаю, и нѣсколько молодыхъ людей, изъ коихъ одного вооруженнаго шпагой, также мнѣ неизвѣстныхъ. Погодя нѣсколько пришла на площадь лейбъ-гренадерская рота, въ коей офицеровъ я не замѣтилъ, потомъ гвардейскій экипажъ и въ послѣдствіе время весь гренадерскій полкъ. Прежде пришествія экипажа Пущинъ посылалъ меня въ домъ Лаваля къ Трубецкому, коего я не нашелъ, и, вѣроятно, въ отсутствіе мое приключеніе графа Милорадовича исполнилось. Когда подходилъ къ толпѣ митрополитъ, кричали: подайте намъ Константина, тогда повѣримъ. Офицеры экипажа подходили къ преосвященному и просили его прислать Михаила Павловича, обѣщая его послушать. Когда же великій князь подъѣхалъ и люди начали слушать его слова, то Пущинъ спросилъ по-французски, вызвавъ меня съ другой стороны, гдѣ я стоялъ, хочу-ли я его изъ пистолета ссадить. Тутъ меня двинули впередъ, и я, зная по опыту (?), что мой пистолетъ замокши стрѣлять не можетъ, и сверхъ сего боясь, чтобъ на сіе другіе кто не рѣшился, прицѣлился; но люди гвардейскаго экипажа отвели руку мою прочь. Послѣ его высочества подъѣзжалъ къ толпѣ еще Воиновъ, на котораго опять по требованію Пущина я также прицѣлился, но пистолетъ, какъ я былъ увѣренъ, осѣкся. Когда начали стрѣлять картечью, гвардейскій экипажъ первый разсыпался, и я съ онымъ отошелъ».

Давъ это первоначальное показаніе, Кюхельбекеръ спохватился, что, можетъ быть, сказалъ лишнее, нечаянно выдалъ знакомаго или товарища, и вотъ 3 февраля 1826 г. онъ пишетъ личное письмо генералъ-адъютанту Вас. Вас. Левашеву гдѣ между прочимъ говоритъ:

«Считаю обязанностію исправить вкравшуюся въ допросъ, сдѣланный мнѣ вашимъ превосходительствомъ, погрѣшность.

«Если только хорошо помню, я, кажется, показалъ, что виновники несчастнаго происшествія 14-го декабря *считали на содѣйствіе* [1]) офицеровъ гвардейской конной артиллеріи, Вилламова и Малиновскаго. Изъ сихъ словъ, какъ теперь вижу, могутъ вывесть заключеніе, что они, Вилламовъ и Малиновскій, находились, такъ сказать, въ заговорѣ или были членами тайнаго общества, чего я никакъ утверждать не хотѣлъ, не могу и не смѣю. Имена ихъ услышалъ я впервые отъ Пущина, когда 14 числа поутру во второй разъ зашелъ къ Рылѣеву. Разсказывая мнѣ, что происходитъ въ гвардейскомъ экипажѣ, въ московскомъ полку и такъ далѣе, онъ, Пущинъ, между прочимъ упомянулъ и объ конной артиллеріи и о томъ, что Вилламовъ и Малиновскій *не хотѣли присягать* государю императору.

«Сіе сопротивленіе, какъ ваше превосходительство сами усмотрѣть можете, могло произойти отъ мгновенной, юношеской пылкости, отъ легкомыслія, конечно, весьма не извинительнаго, или даже просто отъ недоразумѣнія, безъ всякаго предварительнаго знанія о существующемъ заговорѣ, о коемъ я и самъ въ точности свѣдалъ не прежде 14 числа.

«Увѣренъ, что ваше превосходительство, по свойственному вамъ человѣколюбію и благородству души, примете сіи обстоятельства, мною неумышленно пропущенныя, въ разсужденіе къ облегченію участи несчастныхъ Вилламова и Малиновскаго».

Наконецъ, во имя этой же своей честности, онъ даже сознается въ такихъ дѣяніяхъ, о которыхъ его и не спрашиваютъ слѣдственные судьи. Вотъ что онъ пишетъ отъ 17-го февраля 1826 г. въ одномъ изъ самыхъ обширныхъ собственноручныхъ

---

[1]) Всѣ курсивы принадлежатъ Кюхельбекеру, какъ здѣсь, такъ и далѣе.

донесеній, гдѣ онъ также отвѣчаетъ на вопросы (числомъ 21), поставленные ему верховнымъ уголовнымъ судомъ.

«Нѣкоторыя подробности, забытыя мною при допросѣ, сдѣланномъ мнѣ его превосходительствомъ генералъ-адъютантомъ Левашевымъ.—а) Считаю обязанностію своею объявить, что кн. Оболенскій не по собственному желанію предводительствовалъ нами 14 числа на Сенатской площади; виною его избранія былъ я и вотъ какимъ образомъ:—видя безпорядки и неистовства, которымъ предавалась чернь, а частію даже солдаты, особенно московцы, принимавшіеся нѣсколько разъ стрѣлять по собственному произволу и худо внимавшіе нашему запрещенію и просьбамъ нашимъ, я почувствовалъ необходимость начальства надъ всѣми и предложилъ оное сперва Н. А. Бестужеву I, прибывшему на площадь съ гвардейскимъ экипажемъ; когда же онъ отъ себя отклонилъ таковое опасное первенство,—кн. Евгенію Оболенскому, который вслѣдъ затѣмъ и былъ объявленъ солдатамъ предводителемъ. Полагая, что сіе обстоятельство можетъ вмѣниться ему въ тяжкую и особенную предъ прочими вину, осмѣлюсь просить судей нашихъ, чтобы сія вина пала не на его, а на мою долю.—б) Гвардейскій экипажъ, кромѣ перваго зводу, не имѣлъ ни боевыхъ, ни холостыхъ зарядовъ.—в) Кн. Одоевскимъ и мною было объявлено солдатамъ при ожидаемомъ нападеніи на насъ конницы, чтобы они стрѣляли не въ людей, а лошадямъ въ морды.

«Вотъ три обстоятельства, которыя я теперь вспомнилъ и которыхъ при сдѣланномъ мнѣ допросѣ не думалъ утаить, а опустилъ истинно неумышленно; одно изъ нихъ значительно увеличиваетъ мою виновность; но я ни ложью, ни утайкою не хочу и не желаю облегчить жребій свой. И такъ, если въ послѣдствіи припомню еще что либо важное, всепокорнѣйше прошу настоящее опущеніе приписать не упорству, а дурной моей памяти. Сверхъ того обѣщаюсь чистосердечно и откровенно отвѣчать на всѣ вопросы, которые будутъ мнѣ сдѣланы и которые, статься можетъ, мнѣ самому напомнятъ то, что теперь мною забыто и опущено. На счетъ прежнихъ опусковъ и отступленій отъ истины, которыя, конечно, найдутся въ допросѣ, сдѣланномъ мнѣ въ Варшавѣ, осмѣлюсь замѣтить, что они всѣ очень не важны».

Объ участіи его и дѣятельности на Сенатской площади,

гдѣ онъ такъ много „суетился“, какъ о томъ замѣтилъ также Пущинъ въ письмѣ къ Энгельгардту, верховный уголовный судъ ставитъ ему рядъ вопросовъ, заключенныхъ въ одномъ вопросѣ, за № 12:

„Изъ собственныхъ словъ вашихъ и показаній другихъ видно, что въ день происшествія вы такъ много суетились и такое дѣятельнѣйшее принимали участіе въ предпріятіи членовъ тайнаго общества, что успѣвали быть въ разныхъ полкахъ, сзывать членовъ общества и дѣйствовать на Петровской площади. Слѣдственно вамъ особенно должны быть извѣстны многія подробности происшествія 14-го декабря, а потому объясните:

a) Кто началъ въ московскомъ полку возмутительныя дѣйствія и кто рубилъ и кололъ генераловъ: Фридрикса и Шеншина и полковника Хвощинскаго?

b) Кто открывалъ тѣ же дѣйствія въ другихъ мѣстахъ? Кто убѣждалъ и поощрялъ солдатъ идти на Петровскую площадь и кто ими предводительствовалъ?

c) Кто на самой площади поощрялъ солдатъ къ продолженію неустройства и возстановлялъ чернь къ буйству?

d) Ежели точно вы не видѣли, кто нанесъ смертельныя раны графу Милорадовичу и полковнику Стюллеру, то, конечно, слышали. Объясните о семъ откровенно и по совѣсти, что сами видѣли и что слышали.

e) Извѣстно, что Коховскій, Оболенскій, Пущинъ, Щепинъ-Ростовскій, Одоевскій, Пановъ, Цебриковъ и прочіе находились во все время неустройства или съ вами или въ виду вашемъ. Изложите всѣ дѣйствія каждаго изъ нихъ, показавъ, въ кого они сами стрѣляли и кто изъ нихъ особенно поощрялъ другихъ стрѣлять въ войска и начальниковъ?

f) Вы сказали, что бывшаго тамъ ст. совѣтника въ шляпѣ съ плюмажемъ можете узнать. Объясните съ возможною точностію слова и дѣйствія его, коими онъ поощрялъ другихъ и способствовалъ къ мятежу; долго-ли онъ былъ на мѣстѣ происшествія, чѣмъ вооруженъ былъ, въ кого стрѣлялъ, и когда скрылся?

g) Кромѣ пистолета, чѣмъ вы еще были вооружены?

h) Кому отдали на площади палашъ, отнятый у жандарма, и отъ кого вы получили оный?»

На этотъ рядъ вопросовъ Кюхельбекеръ отвѣчаетъ:

„Приступая къ вопросамъ, содержащимся подъ №. 12, осмѣлюсь предварительно объяснить, почему я, зная столь мало о намѣреніяхъ общества, принялъ такое дѣятельное участіе въ происшествіяхъ 14 декабря.—Да проститъ мнѣ великодушно милосердіе государя императора! Я точно не вѣрилъ неслыханному въ исторіи событію; я точно не вѣрилъ, чтобы прежняя присяга моя его императорскому высочеству была съ воли и съ согласія его разрѣшена: въ семъ убѣдило меня *совершенно* только письмо его императорскаго высочества цесаревича къ князю Лобанову-Ростовскому [1]), что можетъ засвидѣтельствать и господинъ Лавровъ, у коего я письмо сіе прочелъ въ 1-й разъ, и господинъ Гречъ [2]), у коего въ домѣ

---

[1]) См. Н. К. Шильдеръ: Междуцарствіе. Рус. Стар. 1897 г., февр., стр. 216, а также дневникъ П. Г. Дивова. Рус. Стар., 1897 г., мартъ, стр. 466.

[2]) Вотъ, что говоритъ о Кюхельбекерѣ въ своихъ запискахъ Н. И. Гречъ: «Въ сентябрѣ онъ отъ меня выѣхалъ (все лѣто 1825 г. онъ жилъ у Греча, когда семейство послѣдняго было на дачѣ) и поселился въ домѣ Булатова, что нынѣ Китнера, на углу Почтамской улицы и Исаакіевской площади. Въ обвинительномъ актѣ сказано, что онъ приступилъ къ обществу вмѣстѣ съ многими другими; потомъ, что его приняли послѣ полученія извѣстія о смерти Александра, или даже наканунѣ происшествія. Въ воскресенье, 29-го ноября, онъ обѣдалъ у меня, былъ тихъ, скроменъ, изъявилъ сожалѣніе о смерти Государя и прибавлялъ, улыбаясь: «добрый былъ человѣкъ Александръ Павловичъ; другой царь не такъ поступилъ бы со мною». 14-го декабря, когда я, въ собраніи моего семейства (изъ посторонныхъ были притомъ Булгаринъ, племянникъ его, генеральнаго штаба подпоручикъ Демьянъ Александровичъ Искрицкій и маклеръ Толченовъ) читалъ манифестъ, раздался громкій звонъ колокольчика въ передней, и вошелъ Кюхельбекеръ, разстроенный, со взглядомъ театральнаго бандита и, не здороваясь ни съ кѣмъ, подошелъ и спросилъ меня:

— Qu'est ce que vous lisez là? Je crois que c'est le manifeste? (что вы здѣсь читаете? полагаю, что это манифестъ).

— Oui, c'est le manifeste. Ecoutez! (Да, это манифестъ. Послушайте!) отвѣчалъ я и продолжалъ чтеніе.

Когда я остановился на одномъ какомъ-то пунктѣ, онъ спросилъ по русски:

— А позвольте узнать, отъ котораго числа отреченіе Константина Павловича?

Я отвѣчалъ:

— Я и не видалъ. Посмотримъ: отъ 26 ноября.

— Отъ 26-го, возразилъ онъ,—хорошо, прощайте!

Булгаринъ, съ которымъ онъ въ то время былъ на ножахъ, сказалъ ему, подавая руку:

— Здравствуйте, Вильгельмъ Карловичъ!

Онъ отвѣчалъ: «здравствуйте и прощайте!» Съ этими словами онъ ринулся изъ комнаты. Матушка спросила у меня, что съ нимъ сдѣлалось:

услышалъ я всѣ прочіе акты, кромѣ сего письма. Итакъ, присяга его императорскому высочеству не служила мнѣ просто предлогомъ: но была одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ, заставившихъ меня пристать къ виновникамъ бѣдственныхъ происшествій 14 декабря и принять отъ нихъ разныя порученія.— Я благодарю судьбу, что, можетъ быть, приближалось къ исполненію нѣкоторыхъ, хотя и не всѣхъ, политическихъ надеждъ и мечтаній моихъ (см. пунктъ 6) и вмѣстѣ могу остаться вѣрнымъ долгу подданнаго. — Присяга же въ моихъ глазахъ всегда была дѣйствіемъ чрезвычайно важнымъ и священнымъ [1]) и даже теперь въ моемъ заключеніи, судимый за мятежное возстаніе на законную власть, и даже теперь осмѣлюсь утверждать, что я не въ состояніи и никогда не былъ способенъ нарушить произнесенную мною однажды присягу, если только мои судьи благоволятъ не называть нарушеніемъ оной слишкомъ смѣлыя надежды, слова и предположенія, въ чемъ я, конечно, признаю себя весьма виновнымъ и отъ всей души молю Бога и государя объ отпущеніи мнѣ этого преступленія!

«а) О возмущеніи въ московскомъ полку узналъ я впервые въ гвардейскомъ экипажѣ: о мнимой же смерти генерала Шеншина именно отъ брата моего, какъ я то и показалъ въ 1-мъ сдѣланномъ мнѣ еще въ Варшавѣ допросѣ. Кто же началъ сіе возмущеніе и кто нанесъ ударъ генералу Шеншину, мнѣ неизвѣстно. Про рану, полученную генераломъ Фридриксомъ, свѣдалъ я, кажется, уже на площади; отъ кого, не припомню; также не было мнѣ говорено, кто

— Ничего, отвѣчалъ я,—вѣроятно, пишетъ оду на восшествіе на престолъ.

Это было часу въ двѣнадцатомъ утра. Вскорѣ потомъ актеръ Каратыгинъ и еще кто-то встрѣтили его идущаго въ изступленіи къ Исаакіевской площади.

— Слышали ли вы, спросилъ одинъ изъ нихъ,—на Исаакіевской площади бунтъ.

— Знаю, отвѣчалъ Кюхельбекеръ,—это наше дѣло»! (Записки о моей жизни. Н. И. Гречъ. СПБ. 1886 г. Изд. А. С. Суворина, стр. 384 — 385)

Хотя цитата эта не вноситъ ничего существеннаго, но она подтверждаетъ во 1-хъ, слова Кюхельбекера, что онъ въ это утро былъ у Греча, и во 2-хъ, показываетъ намъ, въ какомъ нервномъ и психопатическомъ состояніи находился этотъ «взбалмошный и безтолковый хлѣбопекарь» какъ его называетъ Гречъ.

[1]) Такъ думалъ я о присягѣ и въ продолженіе времени, непосредственно предшествовавшаго 14-му декабря. Ссылаюсь на Рылѣева.

нанесъ оную. Имя же полковника Хвощинскаго я вовсе не слыхалъ.

«b) Кромѣ находившихся на площади лицъ, о коихъ ниже,— упомянули при мнѣ Рылѣевъ, Пущинъ I и еще кто-то третій (но кто, не вспомню) слѣдующія имена: 1-ое полковника кн. Трубецкого, о которомъ Пущинъ вдругъ съ нетерпѣніемъ спросилъ: «Гдѣ же Трубецкой и прочіе?“ а потомъ меня послалъ за нимъ въ домъ Лаваля; 2-ое капитана Пущина II, о которомъ, не помню кто, сказалъ: „Пущинъ велѣлъ сказать, что конные саперы послѣдуютъ во всемъ примѣру измайловцевъ“; 3-е штабсъ-капитана Якубовича, о которомъ на чей-то вопросъ: гдѣ онъ? Рылѣевъ отвѣчалъ: „Онъ тамъ нуженъ;“ и, наконецъ, 4-ое и 5-ое Вилламова и Малиновскаго, о коихъ уже со всею возможною подробностію объяснился я въ письмѣ, которое касательно ихъ имѣлъ честь препроводить на имя его превосходительства господина генерала-адъютанта Василія Васильевича Левашева. Гдѣ-же находились сіи здѣсь мною названныя особы и что именно дѣлали, сказать не могу.

„Изъ лицъ же извѣстныхъ мнѣ предводительствовали на площади солдатами: Щепинъ - Ростовскій, братья Бестужевы 2-й и 3-й (Бестужевы же 1-й и 4-й находились на площади, но принимали весьма малое участіе во всемъ происходившемъ), Одоевскій, Оболенскій, Пущинъ, изъ лейбъ-гренадерскихъ офицеровъ нѣкто, кого въ лицо знаю, но фамиліи не помню, быть можетъ, Пановъ и, наконецъ, всѣ, сколько могъ замѣтить, оберъ-офицеры гвардейскаго экипажа. Кто же убѣдилъ солдатъ идти на площадь, не вѣдаю.

«c) Въ продолженіе неустройства къ крику: «ура Константину!» поощряли солдатъ всѣ или почти всѣ вышесказанные, кромѣ однако же офицеровъ гвардейскаго экипажа и пришедшаго съ ними Бестужева I. Чернь же, когда приближалась къ рядамъ, мы всячески старались удалить, опасаясь разстройства солдатъ и напраснаго кровопролитія. Въ семъ случаѣ особенно назову Одоевскаго и, да простятъ мнѣ, если вспомню то, что меня хотя нѣсколько утѣшаетъ въ моемъ несчастіи,— самого себя. Находясь во всю мою бытность на площади при солдатахъ, не умѣю сказать, кто именно возстановлялъ чернь на буйство. Сначала, кажется, подошелъ ко мнѣ человѣкъ мнѣ вовсе незнакомый (небольшого росту, смуглый, худо-

щавый, съ виду лѣтъ за сорокъ) и ломанымъ французскимъ языкомъ объявилъ себя предводителемъ всей толпы волновавшейся черни; на мой недовѣрчивый вопросъ, кто онъ? онъ отвѣчалъ, что онъ отставной ротмистръ (capitain de cavalerie) Розенталь или Розенбергъ [1]), хорошо не припомню, но признаюсь, по его наружности я и тогда думалъ и теперь полагаю, что онъ на себя взводилъ напраслину. Еще приступилъ, было, ко мнѣ пьяный приказный, котораго я насилу убѣдилъ отойдти отъ солдатъ.

«д) Какимъ образомъ узналъ я о смерти графа Милора-

---

[1]) Этотъ Розенталь или Розенбергъ не даетъ покоя бѣдному Кюхельбекеру и онъ старается все припомнить его настоящую фамилію. Такъ уже 25 февраля 1826 года онъ сообщаетъ:

«Человѣкъ, назвавшійся мнѣ 14 числа ротмистромъ Розенталемъ, Розенбергомъ или подобнымъ сходнымъ съ оными *нѣмецкимъ* именемъ, (*сколько помню*)—роста средняго, скорѣе малаго, чѣмъ большого; смуглъ, черноволосъ, худощавъ, съ виду лѣтъ за сорокъ; носъ у него былъ кажется, большой, глаза черные, весь очеркъ лица уроженца страны южной; въ одеждѣ былъ довольно поношенной, цвѣту (сдается мнѣ) темнаго. Но узнать его нынѣ не берусь: во 1-хъ, потому что его только тутъ и то мелькомъ видѣлъ; во 2-хъ, потому что на него могутъ быть похожи очень многіе полуденные нѣмцы, швейцарцы, итальянцы, греки, грузины, даже малороссіяне, которые всѣ болѣе, или менѣе, смуглы, худощавы, черноволосы.—Прежде, не помню, чтобы этотъ человѣкъ мнѣ гдѣ попадался: впрочемъ и не отрицаю того, тѣмъ болѣе, что онъ принадлежитъ къ числу такихъ лицъ, которыя въ кондитерскихъ, въ трактирахъ, при аукціонахъ, въ театрахъ, на бульварѣ, на гуляніяхъ встрѣчаешь сотнями.

«Примѣтъ особенныхъ, кромѣ вышесказанныхъ, не припомню.

«Но вотъ, что, можетъ быть, высочайше учрежденному комитету покажется достойнымъ нѣкотораго вниманія: онъ упоминалъ объ оружіи будто бы у него собранномъ, и вызывался доставить оное во множествѣ Вотъ, *если только не измѣняетъ мнѣ память*, его собственныя слова: J'ai là chez moi, si vous voulez, une quantité de sabres et tout ce qu'il faut (произнесены же были эти слова à l'allemande, т. е. ch за j—и такъ далѣе); считая его съ перваго взгляда хвастуномъ, я тогда же спросилъ его фамилію которую онъ мнѣ тутъ и объявилъ».

Затѣмъ въ показаніи отъ 27-го марта 1826 г. онъ вновь возвращается къ этому:

«Далѣе, считаю долгомъ объявить, что теперь мнѣ *кажется*, будто бы имя говорившаго со мною 14 декабря ротмистра не Розенталь, а Раутенфельдтъ. Однако же всепокорнѣйше прошу высочайше учрежденный комитетъ замѣтить, что мнѣ это только кажется и не болѣе, и что я теперь до того удрученъ скорбію и горестію, что никакъ не могу утверждать: я вспомнилъ его имя. По крайней мѣрѣ исполняю обязанность свою и объявляю все, что можетъ хотя въ чемъ нибудь удовлетворить требованіямъ высочайше учрежденнаго комитета. Легко даже статься можетъ, что сей человѣкъ не говорилъ со мною по французски, а по русски; а что мое воображеніе уже впослѣдствіи представило мнѣ сіе послѣднее обстоятельство. Да не осудитъ меня высочайше учрежденный комитетъ за сіи противорѣчія: они должны приписаться немощи, а не злой волѣ, разстроенному воображенію, а не недостатку искренности!»

довича, я имѣлъ уже честь объявить и здѣсь еще разъ повторяю мое показаніе. О смерти графа Милорадовича я впервые услышалъ отъ моего человѣка дорогою изъ С.-Петербурга въ Варшаву; ему о томъ сказывали проѣзжіе мужики; я это извѣстіе назвалъ ложью и не вѣрилъ оному, пока (у Лаврова) не прочелъ подтвержденіе онаго въ вѣдомостяхъ. Полагаю же, что совершилось это злодѣяніе въ то время, когда я уходилъ въ домъ Лаваля и вотъ почему: возвратясь и подойдя къ Пущину, стоявшему недалеко отъ памятника Петру I, я замѣтилъ въ сторонѣ къ дому Лобанова необыкновенное волненіе и сверхъ того какого то генерала въ голубой, кажется, лентѣ и, сколько помню, пѣшаго. Кто этотъ генералъ? Точно ли былъ въ голубой лентѣ или нѣтъ? Не могу сказать и тогда не любопытствовалъ. Теперь же думаю, что это, можетъ быть, былъ графъ Милорадовичъ, уже раненый и сошедшій съ лошади.

«Про смерть же полковника Стюллера я слышалъ мимоходомъ (и то навѣрно не знаю гдѣ,—въ Петербургѣ ли, или Варшавѣ при первомъ моемъ допросѣ).

«е) 1. Коховскаго 14-го числа въ первый разъ я видѣлъ идучи къ Рылѣеву и не зная еще ни о чемъ. Онъ проѣхалъ мимо меня къ Рылѣеву же, но не былъ къ нему впущенъ. Потомъ я увидалъ его, сходя съ крыльца офицерскихъ казармъ гвардейскаго экипажа: онъ бѣжалъ черезъ дворъ, а за нимъ гнались солдаты, которые, какъ онъ мнѣ потомъ самъ сказывалъ, сорвали съ него шинель. Далѣе, встрѣтилъ я его на площади, гдѣ я былъ свидѣтелемъ, какъ онъ въ народной толпѣ ранилъ кинжаломъ нѣкотораго свитскаго офицера. Оставивъ же площадь, я въ послѣдній разъ увидѣлъ Коховскаго, не доходя Синяго моста, и сталъ его распрашивать о прочихъ, но не получилъ отъ него никакого отвѣта.

«Увѣряю предъ Всевышнимъ Богомъ, который да поможетъ мнѣ въ страшный часъ смерти и да помилуетъ мою грѣшную душу, что ударъ, нанесенный вышеупомянутому офицеру имъ, Коховскимъ, есть *единственное мною видѣнное своеручное* покушеніе *на чью либо* жизнь, предпринятое лицомъ мнѣ знакомымъ.

«2. Оболенскаго 14-го числа я въ первый разъ увидѣлъ на площади. Онъ вмѣстѣ съ Одоевскимъ, Щепинымъ-Ростовскимъ,

Бестужевымъ 3-мъ и, кажется, 2-мъ устраивалъ въ батальонъ-каре московцевъ и заставлялъ ихъ кричать: «ура Константину!» Потомъ, какъ я уже показалъ, онъ былъ назначенъ предводителемъ войскъ, находящихся въ возмущеніи. Когда же я услышалъ, что офицеры гвардейскаго экипажа просятъ преосвященнаго митрополита, чтобы убѣдилъ его императорское высочество великаго князя Михаила Павловича подъѣхать къ нимъ, я, подбѣжавъ къ Оболенскому, спросилъ: съ его ли это согласія? На что онъ отвѣчалъ мнѣ: нѣтъ. Осмѣлюсь требовать, чтобъ допросили его, Оболенскаго, безъ смущенія ли мною сдѣланъ былъ этотъ вопросъ? И тогда еще за четверть, много за полчаса до пріѣзда къ намъ его императорскаго высочества, свидѣтель мнѣ Богъ, я опасался онаго; опасался, ибо видѣлъ буйство черни и московцевъ, зналъ объ ударѣ. нанесенномъ генералу Шеншину и, наконецъ, усматривалъ не безъ ужаса, между прочимъ изъ примѣра Коховскаго, какому неистовству могутъ предаться заговорщики. Но какъ было мнѣ подозрѣвать, что *меня* изберутъ на совершеніе злодѣянія, котораго и тогда и теперь и въ самую минуту, когда цѣлился, душа моя гнушалась и гнушается?

«3. *Пущина I* встрѣтилъ я рано поутру у Рылѣева, гдѣ онъ первый объявилъ мнѣ о предпамѣреваемомъ возмущеніи; у Рылѣева же засталъ я его, зашедши туда и во второй разъ съ Одоевскимъ. На площади онъ кричалъ и заставлялъ солдатъ кричать: «ура Константину!» и находился большею частью при московцахъ. Вмѣстѣ со мною уговаривалъ онъ вышеупомянутаго (см. о Коховскомъ) свитскаго офицера удалиться; потомъ послалъ меня за Трубецкимъ и, наконецъ, какъ я уже показалъ и здѣсь принужденнымъ нахожусь повторить, вызвалъ меня ссадить изъ пистолета его императорское высочество великаго князя Михаила Павловича.

«4. *Щепина-Ростовскаго* замѣтилъ я между московцами.

«5. *Одоевскаго* повстрѣчалъ я (онъ не ночевалъ дома, находясь наканунѣ во внутреннемъ караулѣ во дворцѣ) близъ адмиралтейства часу въ десятомъ въ исходѣ и воротился съ нимъ на общую квартиру, гдѣ взялъ у него одинъ изъ его пистолетовъ (былъ ли этотъ пистолетъ заряженъ или нѣтъ, я по сю пору не знаю и пусть по простому моему изложенію благоволитъ то рѣшить высочайше учрежденный комитетъ или

допросить о томъ Одоевскаго); въ обоихъ пистолетахъ находился обвитый зеленымъ сукномъ помполъ, который, сдается мнѣ, потерялъ я, когда извощикъ вывалилъ меня въ снѣгъ; далѣе, на полкѣ моего пистолета не было пороху, въ чемъ я удостовѣрился, когда, находясь внутри баталіона-каре московцевъ, вздумалъ осматривать оный; тогда же я нѣсколько разъ спускалъ курокъ, обратя пистолетъ дуломъ къ землѣ и выстрѣла не послѣдовало; бросилъ же его, идучи домой у самыхъ лѣсовъ Исаакіевской церкви, боясь, чтобы семеновцы, мимо которыхъ проходилъ, не примѣтили его въ рукахъ моихъ, потому что я тогда былъ въ одномъ фракѣ безъ шинели. Если полиція или кто-нибудь извѣстный правительству тутъ нашелъ оный, легко можно будетъ узнать, былъ ли онъ заряженъ или нѣтъ; то, что ни я, ни *при мнѣ* Одоевскій его не заряжалъ, въ томъ клянусь честью и совѣстью. Изъ дому пошли мы оба (Одоевскій и я) къ Рылѣеву; оттуда же отправился я въ гвардейскій экипажъ, а онъ намѣревался идти въ финляндскія казармы. На площади я съ нимъ снова увидѣлся. Находился онъ неотлучно при московцахъ; удалялъ чернь; не только не поощрялъ, но унималъ солдатъ, стрѣлявшихъ безъ спросу, а при ожидаемомъ на насъ нападеніи конницы увѣщевалъ ихъ мѣтить не въ людей, а лошадямъ въ морды; караульному же офицеру, который грозился велѣть выстрѣлить по насъ, обоихъ подошедшихъ слишкомъ близко къ сенатской гауптвахтѣ, онъ отвѣчалъ: Monsieur, on ne meurt qu'une fois; наконецъ, увидѣлъ я его, тѣснимый мимо его толпою бѣгущихъ солдатъ гвардейскаго экипажа и замѣтилъ, какъ онъ снималъ султанъ съ своей шляпы.

«6) *Панова* полагаю видѣлъ я при приходѣ на площадь лейбъ-гренадерскаго полка.

«7) Съ *Цебриковымъ* или лучше сказать съ тѣмъ, кого считаю Цебриковымъ, встрѣтился я на крыльцѣ гвардейскаго экипажа, пришедъ туда въ первый разъ. Я не узналъ его; онъ же, назвавъ меня по фамиліи, сказалъ мнѣ: «enflammez!» (?) и уѣхалъ; во второй разъ попался онъ мнѣ у воротъ экипажа и подвезъ меня до Синяго мосту. На площади же, теперь вспомнилъ, я его точно видѣлъ. Помнится, онъ уговаривалъ Рылѣева еще разъ съѣздить въ финляндскій полкъ. Меня спрашивали при 2 допросѣ 9 февраля, что онъ со мною разго-

варивалъ? Помню только, что онъ бранилъ свой полкъ и что въ прочихъ рѣчахъ его я замѣтилъ какую-то смѣсь нерѣшительности и дерзости и будто бы даже раскаянія.

«Про статскаго совѣтника, о которомъ упомянулъ я, скажу, что онъ до прихода лейбгренадеровъ стоялъ довольно долго, завернувшись въ шинель близъ памятника передъ фрунтомъ московцевъ; сколько я могъ замѣтить, онъ ни съ кѣмъ не разговаривалъ и даже не кричалъ: «ура Константину!» Видѣть же его могли, кромѣ меня, еще Пущинъ и Оболенскій; а можетъ быть, и Коховскій и Одоевскій. Былъ ли вооруженъ, не знаю, равномѣрно не знаю, когда скрылся.

«g и h) Кромѣ пистолета далъ мнѣ кто-то изъ черни палашъ жандарма, котораго удалось намъ выручить изъ рукъ ихъ: отдалъ же я палашъ сей молодому Льву Пушкину, пришедшему однако же на площадь, какъ полагаю, изъ одного ребяческаго любопытства; вскорѣ потомъ увидѣлъ я его, Пушкина, безъ палаша: куда же онъ дѣлъ его, не спросилъ и не вѣдаю».

Сказавъ это, Кюхельбекеръ спохватился, что можетъ вовлечь невиннаго своего ученика, Льва Пушкина, и брата своего геніальнаго поэта Пушкина—и вотъ отъ 31 марта 1826 г. спѣшитъ съ слѣдующимъ своимъ дополнительнымъ показаніемъ.

«Да благоволитъ высочайше учрежденный комитетъ низойти къ страданію несчастнаго, который бы желалъ по крайней мѣрѣ совѣсть свою успокоить, и да не негодуютъ на меня судіи мои, занятые дѣлами важнѣйшими, въ сравненіи съ коими, конечно, судьба частнаго человѣка ничего не значитъ; да не негодуютъ они на меня, если обращу ихъ вниманіе на молодого Льва Пушкина, пострадавшаго, можетъ быть, черезъ мое показаніе, *что я ему отдалъ палашъ, отнятый у жандарма чернію.*

«Уже въ моихъ отвѣтахъ (отъ 17 февраля) я сказалъ, что полагаю, что онъ, Пушкинъ, пришелъ на площадь изъ одного ребяческаго любопытства и что я вскорѣ увидѣлъ его безъ палаша; но сего мало: я долженъ былъ объявить, что я этотъ палашъ далъ ему *безъ предварительнаго его требованія*, взявъ его за руку и подведши къ кн. Одоевскому, которому я при томъ сказалъ: «prenons ce jeune soldat».

«Чувствую, что настоящее признаніе весьма поздно: но свидѣтель мнѣ Богъ, что только на дняхъ я сталъ думать объ этомъ моемъ неизвинительномъ поступкѣ и что, какъ скоро усмотрѣлъ всю опасность, коей мое неполное показаніе подвергаетъ его, Пушкина, я ни на мигъ не обинулся высказать все высочайше учрежденному комитету.

«Теперь, какъ ни силюсь найти еще что-нибудь, въ чемъ бы я долженъ признаться или что бы долженъ дополнить передъ высочайше учрежденнымъ комитетомъ, ничего не нахожу. И такъ нынѣ, я надѣюсь, не стану уже скучать (sic) оному, ниже обращать его вниманіе на себя: но въ тишинѣ и молитвѣ буду ожидать отъ милосердія монаршаго рѣшенія судьбы моей».

Вопросъ 13, предложенный слѣдственной комиссіею, состоялъ въ слѣдующемъ:

«При первомъ допросѣ вы сказали, что будто бы Пущинъ вызвалъ васъ ссадить изъ пистолета его высочество Михаила Павловича и что вы прицѣливались въ его высочество по двумъ причинамъ, потому, что пистолетъ вашъ, будто бы подмокшій, не могъ стрѣлять, и потому, чтобы другой кто на это не рѣшился. Сами вы должны согласиться, что слова сіи, какъ явная несообразность, не заслуживаютъ никакой вѣры. Вамъ извѣстно, что сознаніе есть важный шагъ исправленія проступка. Скажите голосомъ чести и совѣсти, не собственное ли побужденіе устремляло руку вашу на его высочество, и не правда ли, что самъ Богъ сохранилъ священную особу его высочества отъ угрожавшей ему изъ рукъ вашихъ опасности? Объясните, съ какимъ намѣреніемъ хотѣлось вамъ нанести ударъ прежде его высочеству Михаилу Павловичу, а потомъ генералу Воипову и какую отъ совершенія удара сего могли вы ожидать пользу для цѣли своего общества. Для успокоенія совѣсти своей скажите, въ кого еще стрѣляли вы?»

На этотъ вопросъ Кюхельбекеръ отвѣчаетъ слѣдующее:

«Приступаю къ важнѣйшему для меня пункту допроса. Да поможетъ мнѣ сердцевидецъ-Богъ убѣдить судей моихъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что не хочу ихъ обманывать! Меня заклинаютъ голосомъ чести и совѣсти сказать истину: благодареніе моимъ милосерднымъ судіямъ, что они во мнѣ не отчаяваются! Нѣтъ! никогда я не былъ и не буду глухъ для

голоса чести и совѣсти. Въ продолженіи моей бурной и несчастливой жизни я не разъ подвергалъ ее опасности для спасенія не того, что теперь предъ лицомъ Бога и чуждый свѣтскихъ предразсудковъ называю *честію*, но для выручки того даже, чему приличіе, суетность и тщеславіе дали сіе священное имя. Между тѣмъ, тогда представлялись мнѣ вдали и надежды и желанія и обольщенія, я еще не отчаявался въ счастіи. Теперь же чего мнѣ ждать? Чего желать? Чего надѣяться? Сверхъ того милосердный Богъ приникъ ко мнѣ своею неизсякаемою любовью; онъ услышалъ вопль сердца моего: «Господи, помози моему невѣрію!» Въ глубинѣ души моей рождается живое упованіе на другую, лучшую жизнь — и да не вниду въ нее, обремененный лжесвидѣтельствомъ! Я желалъ бы теперь взять на одного себя все бремя, которымъ тяготитъ меня обвиненіе въ покушеніи на жизнь его императорскаго высочества, но не могу; сказанное мною въ семъ случаѣ о Пущинѣ къ несчастію *истинно*,—въ моемъ же объясненіи причинъ, заставившихъ меня цѣлить въ его императорское высочество, нѣтъ противорѣчія, ни несообразности: увѣренный въ томъ, что *пистолетъ мой не стрѣляетъ*, я хотѣлъ выиграть время, хотѣлъ умышленно неловкостію обратить на себя вниманіе его императорскаго высочества (отъ коего я находился въ очень недальномъ разстояніи и могъ быть имъ замѣченъ), сперва прицѣлился не въ него, а на клики: не туда! не туда! сюда! метался изъ стороны въ сторону; все это съ тѣмъ, чтобы *другой кто съ лучшимъ оружіемъ и съ большею готовностью не заступилъ моего мѣста*. Гдѣ тутъ явная несообразность, не заслуживающая никакой вѣры, и могу ли по совѣсти въ томъ сознаться? впрочемъ въ силахъ ли я теперь отдать ясный отчетъ во всемъ томъ, что тогда во мнѣ происходило? Но живо помню, что надѣялся на осѣчку пистолета; живо помню, что меня объяла жалость, когда всмотрѣлся въ лицо великаго князя; *что, тогда солдатъ отвелъ* [1]) мою руку, у меня будто камень съ сердца свалился.

---

[1]) Отвелъ и не болѣе; а то, съ моими тогдашними чувствами и понятіями, я теперь, вѣроятно, уже находился бы предъ судомъ Божіимъ: никакая сила не отвлекла бы меня отъ картечнаго огня; впрочемъ, пистолетъ остался же у меня въ рукахъ и я даже не покинулъ гвардейскаго экипажа. Ужели между сими обстоятельствами и показаніемъ *побившихъ меня* будто бы солдатъ нѣтъ никакой *несообразности*?

И такъ безъ сомнѣнія Богъ сохранилъ священную особу его императорскаго высочества; но, если какая опасность угрожала ему изъ рукъ моихъ, то не по волѣ и не по желанію моему. Еще разъ и не смотря на всѣ наружныя противу меня доказательства, торжественно увѣряю и повторяю, что у меня не было намѣренія нанести удара ни его императорскому высочеству, ни генералу Воинову и что я не ожидалъ и не могъ ожидать никакой пользы изъ сего для общества, которому имѣлъ несчастіе принадлежать.—Для вящаго подтвержденія истины сего моего показанія:

«Во 1-хъ, приведу мое добровольное, съ перваго слова признаніе въ томъ, что я цѣлился въ его императорское высочество (на счетъ же генерала Воинова меня даже никто и не спрашивалъ, я самъ то объявилъ). Если бы въ самомъ дѣлѣ совѣсть меня упрекала въ какомъ кровожадномъ намѣреніи, ужели бы я не употребилъ никакихъ усилій, ужели бы вовсе не старался скрыть того, что съ *перваго взгляду* доказываетъ оное? И почему же теперь такъ упорно стою на томъ, что не имѣлъ сего намѣренія?

«Во 2-хъ, прошу спросить сестру мою статскую совѣтницу Глинкину; она покажетъ, что на ея вопросъ, къ кому прибѣгнуть, чтобы испросить мое и брата моего помилованіе, я ей назвалъ великаго князя Михаила Павловича; его великодушныхъ чувствъ я тогда еще не зналъ, какъ ихъ теперь знаю: и такъ пусть рѣшатъ, понадѣялся ли бы я на его императорское высочество, если бы зналъ за собою преступленіе, въ которомъ обвиняютъ меня?

«Въ 3-хъ, я точно шелъ въ Варшаву къ его императорскому высочеству цесаревичу. Между тѣмъ я зналъ его горячую братскую нѣжность къ великому князю Михаилу Павловичу: рѣшился-ли бы я на этотъ шагъ, если-бы не чувствовалъ себя чистымъ отъ всякой кровной вины? на шагъ, который только въ семъ предположеніи могъ быть для меня и для другихъ не совершенно безполезнымъ?

«Въ 4-хъ, смѣю требовать, чтобы былъ отысканъ извощикъ, везшій меня изъ гвардейскаго экипажа сперва на площадь, потомъ въ московскій полкъ и, наконецъ, назадъ въ гвардейскій экипажъ. Онъ можетъ засвидѣтельствовать справедливо-ли или нѣтъ мое показаніе о томъ, что онъ вывалилъ меня

въ снѣгъ въ Вознесенской улицѣ близъ Синяго моста. Тогдашнія примѣты мои слѣдующія: я былъ въ круглой шляпѣ, въ новой темно-оливковаго цвѣту шинели съ бобровымъ воротникомъ и съ серебряною застежкою; нанялъ я его у воротъ гвардейскаго экипажа въ одиннадцатомъ или двѣнадцатомъ часу и тамъ же отпустилъ; при расплатѣ же далъ ему цѣлковый. Про извощика же могу сказать, что онъ былъ среднихъ лѣтъ, бѣлокуръ, съ бородою, сани имѣлъ посредственныя сзади клещетыя, подъ темно-желтымъ лакомъ, а коверъ и лошадь были довольно дурные и старые.

«Сверхъ того, по совѣсти долженъ я объявить, что не смѣю рѣшительно утверждать, чтобы именно Пущинъ вызвалъ меня на второе убійственное покушеніе противу генерала Воинова. Оно послѣдовало непосредственно послѣ перваго и, надѣюсь, мнѣ повѣрятъ, что я отъ сего перваго не пришелъ еще въ себя; помню только, что меня взяли за руку, вывели изъ рядовъ гвардейскаго экипажа, что я слышалъ имя—*Воинова*; потомъ, сдается мнѣ, набрасывали на меня шинель, которую я механически надѣвалъ и скидывалъ и, наконецъ, бросилъ.

«Когда же я оглянулся, за мною стояли: Пущинъ, Коховскій, Одоевскій и нѣсколько мнѣ незнакомыхъ лицъ и меня кто-то изъ нихъ упрекалъ въ томъ, что я не выстрѣлилъ. Все это теперь передо мною, какъ будто бы было во снѣ: я не прежде очнулся, какъ когда услышалъ картечные выстрѣлы.

«Въ заключеніе увѣряю, что ни въ кого не стрѣлялъ 14-го числа и благодарю неизрѣченно благостнаго Бога, что Онъ меня, не взирая на безуміе, съ которымъ присталъ я къ мятежу, спасъ и избавилъ отъ смертоубійства и сохранилъ руки мои чистыми отъ всякой крови!»

На вопросъ 14-й слѣдственной комиссіи: «Когда послѣ картечныхъ выстрѣловъ толпы солдатъ гвардейскаго экипажа бросились на дворъ дома, пройдя Конногвардейскій манежъ, вы хотѣли построить солдатъ и вести ихъ на штыки, что побуждало васъ увлекать ихъ на явную гибель? Куда, съ какою мыслію и съ какими надеждами вы хотѣли вести ихъ?»—Кюхельбекеръ даетъ слѣдующее показаніе:

«На штыки хотѣлъ я повесть солдатъ гвардейскаго экипажа единственно потому, что бѣжать показалось мнѣ по-

стыднымъ, и теперь душевно благословляю Господа за то, что они меня не послушались».

Теперь мы должны коснуться одного трагическаго эпизода, происшедшаго между двумя товаищами,—именно какъ Пущинъ подговаривалъ Кюхельбекера стрѣлять въ великаго князя Михаила Павловича. Кюхельбекеръ чистосердечно указалъ на Пущина, Пущинъ же отрицалъ свое участіе въ подговорѣ. Вслѣдствіе этого возгорѣлся конфликтъ между двумя друзьями и товарищами на почвѣ неодинаковаго пониманія святости чистосердечнаго признанія.

Альтруистъ Кюхельбекеръ разъ давъ слово быть чистосердечнымъ уже не останавливается ни передъ чѣмъ. Для него все равно, — товарищъ или его собственная участь. Онъ говоритъ все смѣло, какъ было дѣло и выкладываетъ даже такія истины и факты, которыя могутъ погубить его, отягчить его участь. Но что ему за дѣло! Это его альтруизмъ. Такъ требуетъ его кристальная душа!

Пущинъ, будучи въ данномъ случаѣ эгоистомъ, стоитъ на почвѣ отрицанія. На его сторонѣ житейская мудрость, нежеланіе не только своими признаніями утопить другихъ, но и нежеланіе самому признаться въ проступкѣ.

Кюхельбекеръ, разъ рѣшившись говорить чистосердечно, не можетъ уже остановиться. Еслибы онъ что нибудь зналъ о намѣреніяхъ тайнаго общества, то все безъ утайки высказалъ бы суду.

Пущинъ же уподобляется тому древнему Эллину, который, укравъ лисицу, не сознавался, хотя эту лисицу онъ держалъ за пазухой и она прогрызла его внутренности.

Кюхельбекеръ въ концѣ своего обширнаго показанія отъ 17 февраля 1826 года дѣлаетъ прибавленіе слѣдующаго содержанія:

«Насчетъ Пущина осмѣлюсь просить очной съ нимъ ставки: хотя въ душѣ я увѣренъ, что онъ былъ тѣмъ, кто меня вызвалъ на нанесеніе удара его императорскому высочеству великому князю Михаилу Павловичу, однако же сомнѣваюсь въ всегдашнемъ благоустройствѣ моихъ умственныхъ силъ и способностей, не считаю своего внутренняго убѣжденія достаточнымъ къ его обвиненію. Пусть и его спросятъ по чести и совѣсти; ужели онъ останется глухимъ для голоса

ихъ? Если онъ оправдаетъ самъ себя, да оправдаетъ его Богъ: а я ни слова не произнесу уже въ свое защищеніе! Да будетъ воля Господня!»

Отъ 27-го марта 1826 г. онъ обращается въ верховный уголовный судъ съ слѣдующимъ показаніемъ:

«Препроводивъ 17 февраля въ высочайше учрежденный комитетъ отвѣты мои на различные пункты, содержащіеся въ сдѣланномъ мнѣ допросѣ, — я въ оныхъ отвѣтахъ руководствовался совершеннымъ чистосердечіемъ и молилъ Бога, да подкрѣпитъ Онъ меня въ семъ трудномъ подвигѣ.—Во всемъ, что касалось Пущина и меня, я, сколько могъ, старался его оправдать или умепьшить вину его: свидѣтель тому Тотъ, для Кого нѣтъ тайнъ въ человѣческомъ сердцѣ! Если же я не рѣшился умолчать имя Пущина и всю тяжесть преступленія взять на себя, то во 1-хъ потому, что сія утайка была бы отступленіемъ отъ истины (а я хотѣлъ быть совершенно искреннимъ), во 2-хъ потому, что не считаю себя въ правѣ жертвовать собою, когда съ моимъ несчастнымъ бытіемъ сопряжено спокойствіе злополучной моей матери, которой жизнь и безъ того я отравилъ горестію, за что и постигло меня тяжкое, но праведное Божіе наказаніе. И теперь, испытывая совѣсть свою, не встрѣчаю въ ней ни малѣйшей укоризны на счетъ моихъ показаній, касательно главнаго пункта существующихъ противу меня обвиненій.

«Между тѣмъ въ обстоятельствѣ менѣе важномъ, принадлежащемъ до него же Пущина, я впалъ (сколько помню) въ неумышленную погрѣшность. Если не ошибаюсь, я показалъ, что Пущинъ *послалъ* меня къ Трубецкому въ домъ Лаваля: всепокорнѣйше прошу добавить, что послѣ словъ его, Пущина: «Гдѣ же Трубецкой и прочіе?»—я, увлеченный тою суетностію, которая обладала мною во все это несчастное время, сказалъ ему, что знаю гдѣ домъ Лаваля и *самъ* вызвался сходить туда за Трубецкимъ. Пущинъ же не прежде, какъ когда увидѣлъ нерѣшимость, которая объяла меня непосредственно за опрометчивымъ моимъ вызовомъ, повелительнымъ голосомъ сказалъ мнѣ: «Иди же!»

Вслѣдствіе выраженнаго желанія Кюхельбекера въ «прибавленіи» къ показанію 17-го февраля 1826 г. ему и Пущину была дана очная ставка 30-го марта 1826 г., потому

что Пущинъ совершенно отрицалъ слова Кюхельбекера (Кюхельбекеръ ошибочно считаетъ ее 31-го марта). Вотъ документъ, относящійся до этого эпизода:

«1826 г. 30-го марта, въ присутствіи высоч. учрежд. комитета по отрицанію колл. асс. Пущина дана ему очная ставка съ колл. асс. Кюхельбекеромъ, который утвердительно показалъ, что во время происходившаго на Петровской площади 14 декабря неустройства онъ, Пущинъ, вызвалъ его ссадить изъ пистолета его высочество Михаила Павловича, въ котораго онъ и цѣлилъ, будучи увѣренъ, что пистолета его не могъ произвести выстрѣла, а потомъ, также по требованію Пущина и съ тою же увѣренностію, цѣлилъ и въ генерала Воинова. Пущинъ же напротивъ сего отвѣчалъ, что г. Кюхельбекеръ напрасно вышеизложенное показываетъ на него и что онъ никогда сего и въ мысляхъ не имѣлъ.

На очной ставкѣ утвердили:

Колл. асс. Кюхельбекеръ, уличая Пущина, что дѣйствительно вышепоказанное имъ сказано было г. Пущинымъ, утвердилъ сіе увѣреніями чести и клятвы, пояснивъ, что относительно Воинова онъ показанныя слова слышалъ и отъ другихъ ему неизвѣстныхъ.

Коллежскій ассесоръ
Кюхельбекеръ.

Колл. асс. Пущинъ, отрицая показаніе Кюхельбекера, утвердительно говорилъ, что сколько ни испытываетъ онъ память и совѣсть свою, но не можетъ сего взять на себя, ибо не имѣлъ о томъ и мысли.

Коллежскій ассесоръ
Пущинъ.

Ген. адъют. Левашевъ.

Упорное отрицаніе на очной ставкѣ со стороны Пущина, кидавшее на Кюхельбекера неблаговидную тѣнь, сильно дѣйствовало на воспріимчивую душу Кюхельбекера и причиняло ему ужасныя нравственныя страданія. Кюхельбекеръ готовъ былъ да же обвинять себя, свою забывчивость, разсѣянность, тревожность своей натуры; но въ тоже время, совѣсть его заставляла его кричать что не онъ, а другіе были причиною иниціативы покушенія на жизнь Михаила Павловича. И мы имѣемъ цѣлый рядъ его показаній по поводу этого эпизода.

Въ показаніи отъ 15-го апрѣля 1825 г. Кюхельбекеръ возвращается къ инциденту съ Пущинымъ, но предпосылаетъ ему большое вступленіе, въ которомъ говоритъ:

«Не нахожу ни выраженій, ни словъ, чтобы достойно возблагодарить государя императора и тѣхъ, кому онъ поручилъ рѣшеніе участи моей, за благодѣяніе, мнѣ оказанное: меня преступника благоволилъ высочайше учрежденный комитетъ обнадежить, что священникъ моего исповѣданія посѣтитъ меня и подкрѣпитъ меня на пути вѣры и терпѣнія, на пути, который я позналъ здѣсь въ моемъ заточеніи. «Исповѣдайтеся Господеви милости Его, и чудеса Его Сыновомъ человѣческимъ, яко насытилъ есть душу тщу и душу алчущу исполни благъ!» [1]). Къ святымъ Тайнамъ приступлю я такъ, какъ еще доселѣ не приступалъ: и Тотъ, Который испытуетъ сердца и утробы, услышитъ мою молитву за благоденствіе моего государя, непрестававшаго, и наказуя меня, быть отцомъ для меня сердобольнымъ и милостивымъ; за благоденствіе всего его августѣйшаго дома, въ особенности же высокой благодѣтельницы семейства моего, которая да проститъ мнѣ всю горькую неблагодарность мою!

«Смѣю надѣяться, что высочайше учрежденный комитетъ низойдетъ къ моей слабости; извинитъ меня, что я не воздержался отъ желанія высказать все то, что волнуетъ душу мою.—Нынѣ я себя такъ чувствую счастливымъ, что, если-бы мнѣ воспретили писать, я бы стѣнамъ сталъ разсказывать чувства свои!—Между тѣмъ да не забуду въ радости моей долга своего; да обращусь къ воспоминаніямъ горькимъ и тягостнымъ, да обращусь къ нимъ съ тѣмъ, чтобы облегчить совѣсть свою отъ послѣдняго бремени, тяготящаго ее!»

Затѣмъ обращается къ инциденту съ Пущинымъ:

«При очной ставкѣ съ товарищемъ моихъ заблужденій и злополучія—Пущинымъ (31 марта) я далъ торжественную подписку въ томъ, въ чемъ *тогда совершенно былъ увѣренъ и теперь еще совершенно увѣренъ*. При семъ упомянулъ о немощи, которою три раза въ жизни страдалъ, и осмѣлился замѣтить, что по сему самому не считаю свое свидѣтельство достаточ-

---

[1]) Псаломъ 106, ст. 8 и 9. Собственно стихи эти читаются такъ: [8]) «Да исповѣдятся Господеви милости его, и чудеса его сыновомъ человѣческимъ. [9]) Яко насытилъ есть душу тщу, и душу алчущу исполни благъ.

нымъ для обличенія его, Пущина. Но я забылъ присовокупить, что и въ здоровомъ состояніи или по крайней мѣрѣ въ такомъ, которое моими знакомыми и приближенными считалось здоровымъ, я до невѣроятія бывалъ разсѣянъ».

Затѣмъ онъ приводитъ изъ своей лицейской жизни два примѣра своей разсѣянности и заключаетъ свое показаніе слѣдующими словами: «Молю Бога, да сіи два разсказанные мною случая послужатъ въ пользу Пущина. Но что касается лично до меня, то я и нынѣ, ожидая страшныхъ и святыхъ Тайнъ Господнихъ, остаюсь при моей подпискѣ, т. е. при прежнемъ мнѣніи насчетъ Пущина».

Отъ 20-го апрѣля 1826 г. онъ посылаетъ еще одно донесеніе или показаніе все о томъ же инцидентѣ, гдѣ пишетъ: «Считаю необходимо нужнымъ еще разъ наиторжественнѣйше повторить, что не смѣю и не могу обвинять Пущина ни въ чемъ въ разсужденіи генерала отъ кавалеріи Воинова и что мое показаніе касательно его, Пущина, простирается единственно на первый его вызовъ, который къ несчастію слишкомъ хорошо помню, чтобы по совѣсти могъ я отречься отъ моего насчетъ онаго показанія. Прошу Господа, да отпуститъ мнѣ тяжкое прегрѣшеніе, въ которое я впалъ, когда при первомъ мнѣ въ С.-Петербургѣ сдѣланномъ допросѣ несчастнаго моего товарища обвинилъ насчетъ генерала Воинова! Кто же меня пригласилъ къ этому второму злодѣянію, никоимъ образомъ сказать не могу, но клянусь, что я не самъ собою посягнулъ на оное. Надѣюсь, что мои милосердные судіи не найдутъ нигдѣ въ моихъ показаніяхъ *съ 17 февр.* противорѣчія этихъ двухъ злощастныхъ случаевъ. Да простятъ они мнѣ, что такъ часто говорю объ оныхъ: мнѣ бы желалось въ точности выполнить всѣ требованія моей совѣсти; въ уединеніи, въ которомъ нахожусь, она говоритъ громовымъ голосомъ и ужасно имѣть такую собесѣдницу!

«Въ свое же собственное—не оправданіе, но извиненіе скажу еще разъ: по истинѣ сердце мое чуждо было обоихъ сихъ ужасныхъ предпріятій. Богъ ослѣпилъ меня тогда за грѣхи мои; но Онъ—Богъ кающихся; Онъ видѣлъ слезы мои; въ рукѣ Его сердце царево».

Инцидентъ съ стрѣльбою въ генерала Воинова и великаго князя Михаила Павловича припялъ въ глазахъ судей размѣры

чего то необычайнаго, хотя великій князь, нужно сказать, не придавалъ большого значенія этому эпизоду, который былъ, собственно говоря, только мнимымъ покушеніемъ. Гречъ, въ своихъ запискахъ, видитъ въ этомъ покушеніи особую неблагодарность Кюхельбекера къ великому князю Михаилу Павловичу, «которому былъ обязанъ своимъ воспитаніемъ: онъ былъ его пансіонеромъ, до вступленія въ лицей» (стр. 385). По словамъ же родственниковъ Кюхельбекера—сына его Михаила Вильгельмовича, дочери его—Юстины Вильгельмовны, въ замужествѣ Коссовой и племянницы его Александры Григорьевны Глинка,—Кюхельбекеръ въ лицеѣ былъ пансіонеромъ *своекоштнымъ*, а не великаго князя Михаила Павловича, которому въ то время было только тринадцать лѣтъ. (Русск. Стар. 1875 г., т. XIII, іюль, стр. 336). Безпристрастіе однако требуетъ замѣтить, что Гречъ вовсе и не говоритъ, чтобы Кюхельбекеръ воспитывался на счетъ Михаила Павловича, онъ говоритъ только, что Кюхельбекеръ «до вступленія въ лицей» былъ его пансіонеромъ, а это могло быть и въ пансіонѣ г. Верро, гдѣ онъ воспитывался съ 1808 по 1811 г., чего родственники не опровергли. Вообще сообщенія родственниковъ грѣшатъ многими ошибками и невѣрностями. Но будемъ имъ благодарны и за то, что они дали, ибо теперешніе потомки Кюхельбекера отказали мнѣ даже въ сообщеніи какихъ либо свѣдѣній о ихъ дѣдѣ и тестѣ! Что же касается того, что 13-лѣтній великій князь платилъ за обученіе мальчика въ школѣ, то я не вижу въ этомъ ничего невозможнаго, къ тому же шуринъ Кюхельбекера г. Глинка былъ «кавалеромъ», т. е. воспитателемъ или дядькою у великихъ князей Николая и Михаила, а мать и отецъ были приближенными къ вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Отчего бы имъ не выхлопотать для Вильгельма субсидіи даже отъ 13-лѣтняго великаго князя!

Какъ бы тамъ ни было, но великій князь не придавалъ никакого значенія покушенію на свою жизнь отсырѣвшимъ пистолетомъ и даже впослѣдствіи оказывалъ помощь Кюхельбекеру.

Но не такъ смотрѣли судьи. Были найдены три свидѣтеля—матроса, которые показали слѣдующее:

«*Показаніе матроса гв. эк. Софрона Дорофѣева* (13 мая

1826 г.). Когда его высочество подъѣхалъ къ гвард. эк., то сзади фаса каре, въ которомъ я стоялъ, я услышалъ кѣмъ-то произнесенныя слѣдующія слова: «Есть-ли у тебя довольно пороху на полкѣ?» — Есть довольно, отвѣчалъ другой. — Ну такъ мѣть въ этотъ черный султанъ, этотъ самый и есть вел. князь». — Я сейчасъ обернулся и ударилъ по рукѣ Кюхельбекера, который цѣлилъ въ его выс—во; пистолетъ у него выпалъ, но онъ схватилъ, не допустивъ упасть на землю; съ нимъ были двое военныхъ, одинъ въ конно-гвардейской шинели, и при воротникѣ съ красною петлицею и зеленою пуговицею, и въ шляпѣ съ бѣлымъ султаномъ, но султанъ онъ снялъ и спряталъ подъ шинель; другой былъ финляндскій офицеръ, похожій на служащаго въ гвардейскомъ экипажѣ Цебрикова; оружія у нихъ я не видалъ. Когда я вышибъ пистолетъ у Кюхельбекера, конно-гвардейскій офицеръ сказалъ: «Погоди маленечко, скорѣе дѣло кончимъ». Товарищи мои ихъ отогнали. — Когда подъѣхалъ ген. Воиновъ, тѣ же самые — Кюхельбекеръ и финя. и конно-гвард. офицеры вышли впередъ, Кюхельбекеръ прицѣлился въ генерала и спустилъ курокъ, съ полки была вспышка, но пистолетъ не выпалилъ; послѣ того онъ опять насыпалъ пороху на полку, и опять прицѣлился, но пистолетъ тоже не выпалилъ, хотя онъ курокъ спустилъ. Послѣ сего я не знаю, куда они дѣлись. Кюхельбекера я знаю лично потому, что онъ бывалъ у брата своего, служащаго въ гвард. экипажѣ.

«*Показаніе матроса Матвѣя Федорова.* Кюхельбекеръ (котораго я знаю лично, ибо онъ братъ нашего офицера Кюхельбекера), подошедъ къ нашему фасу сзади, спрашивалъ у бывшаго съ нимъ офицера съ бѣлымъ султаномъ и финляндскаго полка Цебрикова (котораго я тоже лично знаю, ибо онъ братъ нашего офицера Цебрикова): «Который великій князь?» Ему отвѣчали: «Съ чернымъ султаномъ». Мы въ то время, т. е. Дорофѣевъ, Куроптевъ и я ..... [1]) съ товарищемъ и Дорофѣевъ вышибъ пистолетъ изъ рукъ Кюхельбекера, который уже въ его высочество прицѣлился; тогда одинъ изъ двухъ вышепоказанныхъ офицеровъ сказалъ: «Погодите, братцы, мы скорѣе дѣло кончимъ», но мы ихъ отогнали. Когда подъѣхалъ

[1]) Слово не разобрано.

генер. Воиновъ, Кюхельбекеръ съ тѣми же двумя офицерами вышли впередъ, и Кюхельбекеръ два раза прицѣлился въ ген. Воинова, но пистолетъ его не выпалилъ, хотя съ полки была вспышка; пороху же ему насыпалъ на полку одинъ изъ бывшихъ при немъ партикулярныхъ людей, мнѣ не извѣстныхъ, Послѣ сего я не знаю, куда они дѣлись. Я же не слыхалъ. чтобы кто уговаривалъ Кюхельбекера ссадить вел. князя.

«*Показаніе матроса Алексѣя Куроптева.* Не видѣлъ и не слышалъ, чтобы кто вызывалъ Кюхельбекера и поощрялъ его стрѣлять въ вел. князя Мих. Павл. и въ г. Воинова. Когда его высочество подъѣхалъ къ гвардейск. экипажу, то сзади того фаса, къ которому онъ подъѣхалъ, подошелъ одинъ молодой человѣкъ высокаго росту, худощавый, съ пистолетомъ въ рукѣ (Кюхельбекеръ); съ нимъ было еще человѣкъ до пяти въ партикулярныхъ платьяхъ и одинъ молодой офицеръ въ шляпѣ съ бѣлымъ султаномъ и въ шинели съ краснымъ воротникомъ; почти всѣ они были вооружены кинжалами. Кюхельбекеръ прицѣлился въ вел. князя, и въ ту-же минуту матросъ Софронъ Дорофѣевъ вышибъ у него пистолетъ, а я и Алексѣй Федоровъ отогнали его прочь къ московскимъ; бывшіе съ Кюхельбекеромъ подняли его пистолетъ, а мы трое ихъ тоже отогнали; молодой-же офицеръ съ бѣлымъ султаномъ, когда вышибли у Кюхельбекера пистолетъ, сказалъ намъ: «Ребята, скорѣе бы дѣло кончали».

«Когда подъѣхалъ ген. Воиновъ, тѣ же самые люди вышли впередъ и Кюхельбекеръ прицѣлился въ ген. Воинова и спустилъ курокъ, съ полки была вспышка, но пистолетъ не выпалилъ, бывшіе около его вышепомянутые люди тотчасъ насыпали ему пороху на полку; гвардейскій же экипажъ закричалъ генералу, чтобы онъ уѣхалъ; послѣ сего я уже не знаю, куда дѣлся Кюхельбекеръ».

Показанія матросовъ вызвали со стороны суда бумагу съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ слѣдующаго содержанія:

„1826 г., 15 мая, отъ высоч. учр. комитета, г. колл. ассесору *Кюхельбекеру* вопросный пунктъ:

„Матросы гвардейскаго экипажа Дорофѣевъ, Федоровъ и Куроптевъ, которые лично васъ знаютъ, показываютъ, что во время происходившаго на Сенатской площади неустройства вы подойдя къ ихъ фасу сзади, спрашивали у поручика фин-

ляндскаго полка *Цебрикова* [1]) и у *другого офицера* въ шпицели и съ бѣлымъ султаномъ: «*который великій князь?*» — Одинъ изъ нихъ отвѣчалъ вамъ: «*съ чернымъ султаномъ; есть-ли у тебя довольно пороху на полкѣ?*» — «*Есть довольно*», отвѣчалъ другой; «*ну, такъ мѣть въ этотъ черный султанъ; это и есть великій князь*». Вы прицѣлились въ его высочество; но Дорофѣевъ ударилъ васъ по рукѣ; пистолетъ выпалъ у васъ, но вы ухватили его, не допустивъ упасть на землю. Послѣ сего одинъ изъ означенныхъ двухъ офицеровъ сказалъ: «*Погодите братцы, мы скорье дѣло кончимъ*». Но матросы отогнали всѣхъ васъ.

„Когда подъѣхалъ генералъ Воиновъ, то вы съ Цебриковымъ и тѣмъ же (по показанію одного матроса) конногвардейскимъ офицеромъ вышли впередъ. Вы прицѣлились въ ген. Воинова, спустили курокъ, съ полки вспыхнуло; вы снова прицѣлились и опять не было выстрѣла; тогда нѣкто, бывшій при васъ, въ партикулярномъ платьѣ, насыпалъ вамъ пороху на полку пистолета.

„Въ семъ случаѣ спрошенный *Цебриковъ* отвѣчаетъ, 1) что онъ не видѣлъ, когда вы прицѣливались въ великаго князя и когда матросъ вышибъ у васъ пистолетъ, и не произносилъ означенныхъ словъ; 2), что онъ видѣлъ, когда вы спрашивали: «*который Воиновъ?*» Отвѣчалъ вамъ офицеръ въ шляпѣ, съ бѣлымъ султаномъ, одинъ изъ статскихъ въ бекешѣ и въ круглой шляпѣ и нѣкоторые изъ толпы: «*Въ генеральскомъ мундирѣ и съ бѣлымъ султаномъ*». 3) Что онъ (Цебриковъ) увидѣлъ въ рукахъ вашихъ пистолетъ, поспѣшилъ пройти толпу и слышалъ слова: «*Погодите, братцы, мы скорье дѣло кончимъ*». Слова сіи были сказаны тѣмъ же статскимъ въ бекешѣ; онъ довольно высокаго роста, плотный изъ себя и лицомъ бѣловатъ. Онъ, Цебриковъ, замѣтилъ, что сей человѣкъ говорилъ вамъ это, какъ знакомому человѣку.

„Противу сего комитетъ требуетъ истиннаго показанія вашего въ томъ:

a) Справедливо-ли вышеизложенное показаніе матросовъ?

b) Кто именно былъ означенный офицеръ: Одоевскій, или кто другой?

---

[1]) Подчеркнуто кѣмъ либо изъ судей.

c) Кто произнесъ означенныя слова: „Погодите, братцы". и проч. Цебриковъ-ли или другой офицеръ, или же статскій въ бекешѣ, и кто онъ именно?

e) При какомъ случаѣ были сказаны показанныя слова: тогда-ли, когда вы прицѣливались въ великаго князя, или тогда, когда мѣтили въ генерала Воинова?

f) Кто и когда насыпалъ вамъ порохъ на полку?»

На эти вопросы Кюхельбекеръ отвѣчаетъ пространнымъ показаніемъ отъ 16-го мая 1826 года:

1) „Справедливо-ли показаніе матросовъ?" [1]).

«a) Не помню, но не оспариваю, что я, можетъ быть, спрашивалъ: „Который великій князь"? Ибо точно не зналъ въ лицо его императорскаго высочества. — У кого же могъ о томъ спрашивать, по чести увѣряю, что не помню. — По чести и совѣсти увѣряю, что я словъ: „Есть-ли у тебя довольно пороху на полкѣ" и отвѣта на оныя вовсе не слыхалъ; однако же слово: *черный султанъ* исключаю! Мнѣ помнится, что кто-то мнѣ говорилъ, что в. к. съ чернымъ султаномъ.

«b) Меня никто изъ матросовъ не ударилъ по рукѣ, но одинъ изъ нихъ рукою коснулся ствола пистолетнаго и покачалъ головою; пистолетъ не выпадалъ у меня изъ руки, я остался въ рядахъ гвардейскаго экипажа; но сталъ взводить ниже (и то не скажу навѣрно; быть можетъ, я и остался на своемъ мѣстѣ.)—Не слыхалъ я ни одного слова ни отъ кого изъ матросовъ, которое бы могло бы меня заставить думать, что они хотятъ отогнать—меня ли, или другого кого.—Помню еще, что другой матросъ также покачалъ головою, тронувши меня за локоть руки: этого второго матроса я бы могъ узнать въ лицо. Въ первомъ моемъ показаніи я сказалъ, что пистолетъ *отвели* даже слишкомъ сильно; тотъ и другой матросы съ большою робостію изъявили свое несогласіе и, если бы я точно имѣлъ убійственное намѣреніе, ихъ едва примѣтное сопротивленіе никакъ не могло мнѣ воспрепятствовать въ томъ. Клянусь со-

[1]) NB. Несправедливость показанія матросовъ на счетъ означенныхъ ими офицеровъ явствуетъ еще изъ того, что изъ всѣхъ военныхъ бывшихъ на площади 14 декабря, кромѣ Николая Бестужева, брата моего и Одоевскаго, никто не могъ мнѣ говорить: *ты*. А я ни одного изъ нихъ тутъ не помню.

вѣстію и честью, что такъ все происходило, а не иначе. Прошу очной ставки съ матросами. — Прощаю несчастнымъ матросамъ, что они хотятъ на мой счетъ выслужиться; да проститъ имъ и Богъ!—Именъ ихъ я не знаю: но легко статься можетъ, что они меня знаютъ: я живалъ въ гвардейскомъ экипажѣ.

«с) Цебрикова я вовсе не помню ни въ первомъ, ни во второмъ случаѣ. Я прицѣлился въ генерала Воинова; но съ полки не вспыхнуло; я прицѣлился только разъ, а не два. Никто мнѣ не насыпалъ пороху на полку пистолета. Клянусь честію и совѣстію, что все было такъ, а не иначе.

«2) Кто именно былъ означенный офицеръ: Одоевскій-ли или кто другой? Я Одоевскаго, Коховскаго, Пущина, Бестужева 4 (адъютанта вице-адмирала Моллера) и одного свитскаго или инженернаго офицера (средняго росту, бѣлокураго, полагаю, что это Корниловичъ), помню при несчастномъ случаѣ съ генераломъ Воиновымъ: но никакъ не могу сказать, какое кто въ ономъ принималъ участіе, что я уже сказалъ на счетъ Пущина при очной съ нимъ ставкѣ.—При первомъ же случаѣ съ великимъ княземъ помню въ лицо *одного* Пущина; были и другіе, но кто? не знаю. — Именно слова: не тамъ! тамъ! были произнесены, кажется, не Пущинымъ.

«3) Кто указывалъ мнѣ великаго князя и проч.?

«Я къ пункту 1-му приписалъ, что помню слова: *черный султанъ*; но словъ: *мѣтъ въ него*,—не помню. Пущинъ мнѣ сказалъ: Voulez vous descendre *Michel* (не называя его императорское Высочества: *Grand Duc;* эту подробность я опустилъ въ моемъ первомъ показаніи).— Вотъ все, въ чемъ я по совѣсти могу свидѣтельствовать; слова же сіи были произнесены Пущинымъ по-французски, вполголоса и не могли быть слышаны матросами.

„На счетъ Одоевскаго замѣчу, что онъ не былъ въ шинели, а просто въ сюртукѣ.

„4) Словъ. *Погодите, братцы*, и проч., я вовсе не слыхалъ, клянусь честію и совѣстію! Примѣты, означенныя Цебриковымъ, сходствуютъ съ Пущинымъ; но Пущинъ не былъ въ бекешѣ, а въ шинели.

„5) Я уже сказалъ, что никто не насыпалъ мнѣ пороху на полку.

„6) Слова на счетъ генерала Воинова: „Въ генеральскомъ мундирѣ и съ бѣлымъ султаномъ“—помню; но не знаю, кѣмъ были произнесены.

„Въ заключеніе скажу и повторю, что послѣ несчастнаго вызова Пущина я до того потерялся, что̀ многое могло происходить вокругъ меня не замѣченное мною. Повторяю, что я очнулся не прежде, какъ когда услышалъ картечные выстрѣлы.

„NB. Это мое безпамятство не пустая отговорка: любой изъ моихъ знакомыхъ, я бы желалъ сказать, *враговъ*, можетъ засвидѣтельствовать, что это могло быть.—Не скрываю, что мнѣ бы больно было назвать Одоевскаго, если бы я его помнилъ при случаѣ съ великимъ княземъ: но, назвавъ Пущина, съ которымъ я 15 лѣтъ знакомъ, съ кѣмъ я выросъ, съ кѣмъ я всегда былъ пріятелемъ, я бы назвалъ и Одоевскаго.

„Какая бы меня ни ожидала участь, свидѣтель мнѣ Богъ, что не могу дать другого показанія, кромѣ даннаго мною здѣсь, ни въ чемъ важномъ не разнствующаго съ моимъ показаніемъ отъ 17 февраля. — Да поможетъ мнѣ Богъ! — 16 маія, 1826.—Колл. асс. Кюхельбекеръ“.

Не довольствуясь этимъ, онъ на другой день 17-го мая 1826 г. спѣшитъ съ новымъ показаніемъ, въ которомъ говоритъ:

„При вызовѣ, сдѣланномъ мнѣ на счетъ его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича я помню одного только Пущина въ лицо: [1]) помню взглядъ его при томъ (смущенный и нѣсколько косящійся, потупленный), помню точныя слова его (Voulez (vous) faire descendre Michel), помню звукъ его голоса (невѣрный и запинающійся), помню мѣсто, гдѣ этотъ несчастный вызовъ былъ мнѣ сдѣланъ (въ срединѣ проулка, находившагося между каре московцевъ и каре гвардейскаго экипажа); вотъ почему при допросахъ я показалъ и утверждалъ, что этотъ вызовъ былъ мнѣ сдѣланъ Пущинымъ.—Здѣсь еще разъ торжественно повторяю сіе мое показаніе. Но при томъ прошу вторичной очной съ нимъ ставки; прошу, чтобъ при оной былъ и Одоевскій; прошу, чтобъ эта бумага имъ обоимъ прочтена была. Если мои судіи во мнѣ предполагаютъ довольно черную душу, чтобы я могъ *умышленно*

[1]) Были и другіе, но кто?—не знаю.

взводить на Пущина небывалое, то Одоевскій изобличитъ меня. Онъ не захочетъ, чтобъ за его, Одоевскаго, вину пострадалъ другой, невинный: повторяю, что *съ его* стороны высочайше учрежденный комитетъ не можетъ опасаться въ семъ случаѣ никакой утайки; сей злополучный юноша скорѣе собою пожертвуетъ другому, чѣмъ спасется гибелью невиннаго.

„Такъ! откровенно скажу: если бы я помнилъ Одоевскаго въ семъ случаѣ, я бы старался его спасти; но я не вовсе лишенъ великодушныхъ чувствъ, я бы пожертвовалъ собою; я бы сказалъ, что безъ всякаго посторонняго вызова самъ собою я посягнулъ на жизнь великаго князя. Къ чему бы мнѣ обвинять безъ *всякой* для себя пользы, безъ всякой пользы для Одоевскаго—невиннаго? Къ чему бы мнѣ теперь просить очной ставки, которая, если Одоевскій виноватъ, непремѣнно погубитъ его? Но я увѣренъ, что *онъ точно въ семъ случаѣ совершенно чистъ.* Къ чему бы, спрашиваю, скрывать мнѣ имя Цебрикова? Человѣка, мнѣ едва знакомаго? Одоевскаго я бы предпочелъ Пущину, но не Цебрикова.

„Если же, несмотря на мою твердую увѣренность въ невинности Одоевскаго и Цебрикова и виновности Пущина, окажется, что Пущинъ правъ, а они виноваты, да броситъ на меня камень первый тотъ, кто въ сердцѣ своемъ можетъ сказать: „я въ моихъ показаніяхъ былъ бы осторожнѣе и совѣстливѣе!“. Пусть тогда осудитъ меня судъ человѣческій; есть другой судъ, предъ которымъ я надѣюсь въ семъ случаѣ оправдаться, судъ Бога гнѣвнаго, рука Коего на мнѣ слишкомъ тяжело отяготѣла и имя Коего страшусь употреблять всуе! Если окажется, что Пущинъ правъ, не крѣпость мое мѣсто, а домъ безумныхъ. — Коллежскій ассесоръ Кюхельбекеръ“.

Иванъ Ивановичъ Пущинъ въ своемъ описаніи дня 14 декабря 1825 г., котораго я не касался, такъ какъ оно уже напечатано [1]), ни словомъ не упоминаетъ о покушеніи на жизнь Михаила Павловича и генерала Воинова и хранитъ глубокое молчаніе о своемъ злосчастномъ товарищѣ Кюхельбекерѣ, упоминаетъ онъ о немъ только вскользь, говоря,

---

[1]) Записки декабристовъ, выпускъ второй и третій. Лондонъ, 1863 г. «Четырнадцатое декабря». И. Пущина, стр. 137—163.

что на Сенатской площади многіе изъ членовъ общества присоединились къ товарищамъ, и замѣчаетъ: „Вильгельмъ Кюхельбекеръ, издатель «Мнемозины», самый благонамѣренный изъ смертныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самый неловкій въ своихъ движеніяхъ, расхаживалъ съ огромнымъ пистолетомъ“ (стр. 149). Наконецъ офиціальный исторіографъ восшествія на престолъ императора Николая I, баронъ Корфъ (будущій графъ), товарищъ Кюхельбекера по лицею, не лавируя между Сциллою и Харибдою, уже прямо обвиняетъ Кюхельбекера, хотя и не называя его по имени. Онъ говоритъ о немъ слѣдующее [1]):

„Въ то время какъ онъ (т. е. великій князь Михаилъ Павловичъ) увѣщевалъ матросовъ морского экипажа возвратиться къ порядку, между ними бродилъ, возбуждая ихъ, молодой человѣкъ, отставной гражданскій чиновникъ, одинъ изъ недавнихъ, но самыхъ уже фанатическихъ участниковъ заговора. Онъ вздумалъ воспользоваться благопріятнымъ въ его смыслѣ случаемъ и, въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія, навелъ пистолетъ на брата своего царя..... Великій князь былъ спасенъ только мгновеннымъ движеніемъ трехъ матросовъ, стоявшихъ также въ рядахъ бунтовщиковъ. Замѣтя злодѣйское покушеніе, они всѣ трое бросились на преступника, съ криками: „что онъ тебѣ сдѣлалъ!“ вышибли у него изъ рукъ пистолетъ и стали бить его ружейными прикладами. Трогательное свидѣтельство, что, даже посреди всѣхъ увлеченій и разгара страстей, народъ нашъ гнушается всякимъ преступнымъ замысламъ противъ царственной семьи, искони являющейся предметомъ его любви и благоговѣнія!“ [2]).

Слѣдуетъ еще упомянуть о тѣхъ показаніяхъ соучастниковъ возмущенія, которыя были даны противъ Кюхельбекера: А. Бестужева, Сутгофа, Рылѣева, К. А. Пущина, кн. Одоевскаго, Малютина, Бодиско, Аляева и Глѣбова [3]).

---

[1]) Восшествіе на престолъ Императора Николая I. Бар. Корфъ. Изданіе третье (первое для публики). СПБ. 1857 г., стр. 175.

[2]) Три матроса, спасшіе великаго князя и потомъ щедро имъ награжденные и навсегда обезпеченные, были Дороффевъ, Ѳедоровъ и Куроптевъ. Изъ обнародованнаго въ общее свѣдѣніе приговора верховнаго уголовнаго суда извѣстно, что мѣра наказанія злоумышленника, схваченнаго потомъ уже въ Варшавѣ, была смягчена, противъ опредѣленной строгостію закона, собственно по ходатайству великаго князя.

Примѣч. Корфа.

[3]) Орѳографія этихъ показаній, принадлежитъ подлинникамъ, писаннымъ писарскою рукою.

1. *А. Бестужевъ*:—Кюхельбекеръ къ обществу не принадлежалъ до конца дѣла, думаетъ потому, что опѣ щитали его сумасброднымъ и вѣроятно К. Одоевскій принялъ ево. Ходилъ онъ тутъ съ пистолетомъ и помнитъ, что когда онъ скомандовалъ на плеча, онъ повторилъ команду, но онъ сказалъ ему, чтобъ онъ не мѣшался, что его послушаютъ, еще спросилъ онъ ево, гдѣ великій князь Михаилъ Павловичъ, потому, что онъ близорукъ и худо слышитъ, и что съ нимъ сдѣлалось совершенно не знаетъ.

2. *Судгофъ*:—Такъ какъ роты въ большомъ безпорядкѣ къ нимъ подошли, то Судгофъ приказалъ имъ строится по ротно, въ сію минуту услышалъ выстрѣлъ изъ пистолета, и видѣлъ Стюрлера бѣжавшаго назадъ поддерживая свой бокъ и преслѣдуемый нѣсколькими людьми во фракахъ со шпагами и пистолетами, между коими замѣтилъ Коховскаго и Кюхельбекера, во время сего произшествія многіе люди во фракахъ подстрекали людей.

3. *Рылѣевъ*:—Членъ общества—Вильгельмъ Кюхельбекеръ принятъ въ общество имъ, Рылѣевымъ.

4. *К. А. Пущинъ*:—Члена общества.—Кюхельбекера видѣлъ на площади съ пистолетомъ при войскѣ. Когда кавалерія двинулась на черпь, тогда Пущинъ принялъ команду, а переднему фасу карѣ скомандовалъ взять ружья отъ ноги, при семъ случаѣ, Кюхельбекеръ подошелъ къ нему, и совѣтовалъ, чтобъ онъ надѣлъ какой-нибудь мундиръ и командовалъ, Пущинъ, отвѣчалъ, что предложеніе ево весьма странно.

5. *К. Одоевскій*. Кюхельбекеръ былъ боленъ и занималъ сырую квартиру, по обширности ево квартирѣ предложилъ ему у себя комнату и онъ перешолъ.

И въ малое время пребыванія его у нево ни о чемъ иномъ не говорилъ, какъ только о поэзіи, и ничего не дѣлалъ, какъ только писалъ стихи.

6. *Малютинъ*:—10-го или 11-го числа былъ вечеромъ у Рылѣева часа два, въ продолженіи которыхъ пріѣжжали къ нему, Оболенскій, Одоевскій, А. Бестужевъ, Кюхельбекеръ и Пущинъ.

7. *Бодиско 2-й*:—Былъ свидѣтелемъ Бодиско 2-й когда корпусной командиръ Воиновъ уговаривалъ людей, чтобы припять присягу, то вышедшій изъ толпы Кюхельбекеръ цѣлилъ

ево пистолетомъ, но къ щастію кремень осекся, и онъ скрылся въ толпѣ народа.

8. *Дивовъ*:—На площади между вооруженными людьми видѣлъ Кюхельбекера, который хотѣлъ выстрѣлить въ корпуснаго командира; но къ щастью кремень осекся и онъ скрылся въ толпѣ.

— Видѣлъ какъ Кюхельбекеръ раздавалъ пистолеты и цѣлилъ въ корпуснаго командира.

— Однажды пріѣхали изъ С.-Петербурга въ Кронштадтъ, Рылѣевъ, Бестужевъ 2-й, Одоевскій, Кюхельбекеръ 1-й, Заволшинъ и отставной гусаръ Оржицкій, приглашены были къ Кюхельбекеру 2-му обѣдать, но такъ какъ до ихъ ухода былъ тутъ же К. Л. Козинъ, то сіе можетъ быть удержало противъ правительства разговора, и послѣ обѣда осматривали гавань.

9. *Аляевъ*:—Видѣлъ какъ осекся у нево, Кюхельбекера, пистолетъ противъ генерала Воинова и онъ ушелъ.

10. *Глѣбовъ*:—Коховскій и Кюхельбекеръ кричали ура Константину Павловичу.

Наконецъ, отъ 1-го іюля 1826 г. Кюхельбекеръ пишетъ свое послѣднее показаніе, состоящее въ слѣдующемъ:

«Въ продолженіи всего времени, въ которое нахожусь подъ слѣдствіемъ, я старался во 1-хъ чистосердечнымъ признаніемъ въ моихъ заблужденіяхъ и преступленіяхъ заслужить милосердіе Божіе и государево, во 2-хъ быть въ моихъ показаніяхъ по возможности точнымъ, чтобы не быть неумышленно виновникомъ несчастія другихъ. Но иногда память измѣняла мнѣ, потому то я иногда принужденнымъ находился дополнять сказанное мною. Да проститъ высочайше утвержденный комитетъ больному болѣзнь его (иначе не могу назвать безпамятства моего) и да не назовутъ этого безпамятства злою волею! Въ послѣдній, надѣюсь на Господа, разъ прибѣгаю въ семъ отношеніи къ снисхожденію высочайше учрежденнаго комитета. Приступаю къ дѣлу. Во 1-хъ считаю необходимымъ торжественно объявить, что братъ мой Михайло Кюхельбекеръ *никогда* не раздѣлялъ моихъ заблужденій, онъ напротивъ всегда и во всякомъ случаѣ удерживалъ меня, всегда и во всякомъ случаѣ удерживалъ находившихся подъ его начальствомъ молодыхъ офицеровъ отъ рѣчей необдуманныхъ, а,

гдѣ могъ, предостерегалъ и сверстниковъ. Сему я не разъ былъ свидѣтелемъ. Знаю, что здѣсь свидѣтельство мое можетъ показаться сомнительнымъ, ибо я братъ ему; но ссылаюсь на весь корпусъ офицеровъ гвардейскаго экипажа.

«Во 2-хъ я долженъ объявить, что я вовсе не замѣтилъ, чтобы московскій незнакомый мнѣ офицеръ, съ которымъ я говорилъ въ казармахъ (на дворѣ оныхъ) московскаго полку одобрялъ происходившаго неустройства. Скорѣе я замѣтилъ противное, ибо выслушавъ меня и постоявъ съ минуту на своемъ мѣстѣ, онъ шагнулъ впередъ и сталъ говорить съ какимъ-то, если не ошибаюсь, преображенскимъ полковникомъ. Это самое и заставило меня удалиться въ опасеніи быть задержаннымъ. Сіе мое показаніе считаю особенно потому необходимымъ, что 9 февраля, когда я разсказывалъ сей случай въ присутствіи высочайше учрежденнаго комитета, мои слова произвели, если не ошибаюсь, невыгодное для вышесказаннаго офицера впечатлѣніе.

«Въ заключеніе, ибо уже не могу надѣяться, чтобы мнѣ еще позволено было писать въ высочайше учрежденный комитетъ, осмѣлюсь снова обратить вниманіе судей моихъ на разстройство способностей душевныхъ и тѣлесныхъ нижеподписавшагося, съ тѣмъ, чтобы сіе послужило въ пользу *не мнѣ самому* (за меня самого лучшій ходатай милосердіе моего всемилостивѣйшаго государя), но тѣмъ, которые бы могли пострадать отъ показаній моихъ.

«Первое между ними мѣсто занимаетъ Иванъ Пущинъ (коллежскій ассесоръ). Тяжело лежитъ онъ на душѣ моей; сто разъ я готовъ былъ взять назадъ мое о немъ показаніе; но слова его, мѣсто, гдѣ ихъ говорилъ, лице, движеніе, съ которыми онъ говорилъ—всякій разъ оживали предо мною: я вспоминалъ мать свою и чувствовалъ, что *не смѣю собою жертвовать*. При всемъ томъ признаюсь, что я бы долженъ былъ прежде, чѣмъ въ первый разъ назвалъ несчастнаго Пущина, вспомнить, какъ часто меня ослѣпляло мое воображеніе. Но меня спрашивалъ *на второй день* по моемъ пріѣздѣ въ С.-Петербургъ мой государь, котораго несказанную милость и здѣсь каждый день познаю опытомъ и благословляю! Онъ различитъ безумца отъ злодѣя, клеветника отъ того, который первый самъ обманутъ (если только въ семъ случаѣ обманутъ?).

Итакъ не могу взять назадъ моего показанія на счетъ Пущина; я точно увѣренъ, что онъ мнѣ сдѣлалъ тотъ несчастный вызовъ, въ которомъ я его обвинилъ: но что значитъ *моя* увѣренность?

«Совѣсть мнѣ свидѣтельствуетъ, что я руководствовался въ продолженіи всего времени, какъ нахожусь подъ судомъ, чистосердечіемъ; не раскаяваюсь въ ономъ, Господь ввѣрилъ судьбу мою государю милосердому.

Сего 1-аго іюля 1826 г. Кол. асс. Кюхельбекеръ».

Дѣти Кюхельбекера (сынъ и дочь), въ особенности много поработавшіе, какъ я уже сказалъ, для славы своего отца, сообщаютъ, что «14-го мая 1826 г. дана была очная ставка ихъ отцу съ Коховскимъ, застрѣлившимъ Милорадовича...» [1])

Хотя объ этой очной ставкѣ въ дѣлѣ о Кюхельбекерѣ ничего не говорится, но дѣти взяли этотъ фактъ изъ «Дневника» Кюхельбекера, гдѣ подъ «12-го мая 1840 г.» записано: «Сегодня ровно 14 лѣтъ моей очной ставкѣ съ К. (Коховскимъ?)—Чудный видѣлъ я сегодня поутру сонъ: будто я въ какой-то землѣ, гдѣ Рылѣевъ и Коховскій; въ добавокъ Р. будто тотъ живъ, а между тѣмъ мнѣ разсказали его смерть: онъ, говорили мнѣ, когда объявили ему его жребій, попросилъ надѣть бѣлую рубашку, и потомъ простился съ женою, дочерью въ какой-то комнатѣ, и съ тестемъ на дворѣ, куда старика привели въ кандалахъ. Дочь, при прощаньѣ, онъ взялъ на руки и сталъ поднимать все выше, выше до потолка, покуда ребенокъ не закричалъ. Спрашивалъ я: почему же и Коховскій не надѣлъ бѣлой рубашки? Ему позволили бы, и былъ отвѣтъ: «Да онъ объ этомъ не просилъ». — Тутъ мой (сынъ) Миша проснулся и разбудилъ и меня» (Рус. Стар. 1891 г., т. LXXII, октябрь, стр. 73).

Сильно же было впечатлѣніе, оставленное судомъ и очными ставками, если оно приснилось ему черезъ 14 лѣтъ.

Если въ дѣлѣ о Кюхельбекерѣ ничего нѣтъ объ этой очной ставкѣ, то изъ другихъ источниковъ оказывается, что дѣйствительно таковая была ему дана и вотъ что оказалось:

---

[1]) Рус. Стар. 1875 г., т. XIII, іюль, стр. 349.

«1826 года 10 мая, въ присутствіи высочайше учрежденнаго комитета, по отрицанію поручика *Каховскаго* [1]) дана ему очная ставка съ коллежскимъ ассессоромъ *Кюхельбекеромъ*, который между прочимъ утвердительно показалъ, что въ день происшествія на Петровской площади, *онъ* былъ свидѣтелемъ, какъ *Каховскій* въ народной толпѣ ранилъ кинжаломъ нѣкотораго свитскаго офицера, и что ударъ сей, нанесенный *Каховскимъ*, есть единственное, имъ Кюхельбекеромъ видѣнное своеручное покушеніе на чью либо жизнь, предпринятое лицомъ ему знакомымъ.—Противу сего Каховскій говоритъ, что не ранилъ никакого офицера.

«На сей очной ставкѣ коллежскій ассесоръ Кюхельбекеръ подтвердилъ свое показаніе, объясняя, что видѣлъ Каховскаго, который, стоя позади свитскаго офицера, замахнулся на него сзади кинжаломъ, офицеръ упалъ, и черезъ минуту Кюхельбекеръ увидѣлъ на головѣ возлѣ уха у него кровь. Въ это время стояли возлѣ кн. Оболенскій и кол. ассесоръ Пущинъ, который уговаривалъ сего свитскаго офицера итти съ площади домой.

«Поручикъ-же Каховскій—остался при своемъ показаніи.

«Подписалъ: ген. адъют. Бенкендорфъ.

Вслѣдствіе указанія Кюхельбекера на Оболенскаго и Пущина—ихъ спросили и вотъ ихъ отвѣты:

Князь Оболенскій отрицаетъ также все показанное Кюхельбекеромъ, но припоминаетъ, что одинъ свитскій штабъ-офицеръ въ бѣлыхъ панталонахъ начиналъ что-то говорить, но народъ окружилъ его и началъ срывать съ него шинель и эполеты. Когда Оболенскій подошелъ къ толпѣ, то увидѣлъ, что Пущинъ уговариваетъ толпу, тутъ былъ Кюхельбекеръ и Коховскій. Когда толпу удалось усмирить, то офицеръ ушелъ. Другой же свитскій оберъ-офицеръ стоялъ часъ или два на площади, не говоря ни слова; куда онъ дѣлся,—ему, Оболенскому, неизвѣстно (10 мая 1826 г.).

10 мая 1826 г. Пущинъ показалъ слѣдующее: «14 декабря, я видѣлъ толпою влекомаго свитскаго офицера безъ шляпы и мнѣ неизвѣстнаго, у котораго на лицѣ была кровь.

---

[1]) Слѣдуетъ Коховскій.

Когда я подошелъ къ нему и распрашивалъ у бывшихъ около, «что это значитъ», то мнѣ отвѣчали многія незнакомыя мнѣ лица, что это шпіонъ и вели его въ каре. При семъ случаѣ я совѣтывалъ или его оставить и (или) просить его удалиться съ площади. Вотъ все, что я о семъ происшествіи знаю и что изустно объявилъ въ присутствіи комитета, когда былъ въ первый разъ въ оной призванъ 25 декабря. По чистой совѣсти объявляю, что не видалъ, кѣмъ былъ ему нанесенъ ударъ, и не знаю, упалъ-ли онъ отъ онаго. Къ сему показанію коллежскій асессоръ Пущинъ руку приложилъ. Скрѣпилъ ген.-адъют. Бенкендорфъ».

Невольно возникаетъ вопросъ: чѣмъ объяснить такой поступокъ Кюхельбекера? Безспорно, что его покушеніе на жизнь великаго князя Михаила Павловича и генерала Воинова было сумазброднѣйшимъ преступленіемъ. Въ объясненіе этого, нужно принять въ соображеніе его болѣзненное состояніе, психопатичность его натуры, необузданность нрава, рядъ несчастій, обрушившихся на него въ жизни и наконецъ его невыдержанность, мягкость характера, благодаря которой его, какъ говорятъ Гречъ, можно было легко совратить и въ хорошую и въ дурную сторону. Если его упрекали за его политическіе идеалы, то въ этомъ онъ виновенъ столько же, сколько и все передовое общество его времени; съ такимъ же правомъ этотъ упрекъ могъ-бы быть отнесенъ и къ иниціатору либеральнаго движенія начала XIX вѣка Императору Александру I. Не даромъ Александръ когда услышалъ о тайныхъ обществахъ въ Россіи, сказалъ «не мнѣ карать»! Можно-ли вступленіе Кюхельбекера въ число членовъ тайнаго общества, наканунѣ возстанія, ставить ему въ вину, когда сами члены этого общества примкнули къ бунту экспромтомъ?! Этотъ бунтъ былъ, вѣдь, устроенъ нравственными калѣками и отбросками тайнаго общества и явился вопіющимъ обманомъ одураченныхъ солдатъ и черни, смѣшивавшей понятія недоступныя ея пониманію и считавшей «конституцію» женою Константина Павловича.

Кюхельбекеръ присутствовалъ въ каре на Сенатской площади не сознательно, но подъ дѣйствіемъ гипноза, въ афектѣ. Онъ расхаживалъ комически съ большимъ пистолетомъ и съ огромнымъ палашомъ, онъ игралъ, такъ сказать, навязанную ему роль театральнаго бандита, и нѣтъ мудренаго, что Пу-

щинъ или кто другой посовѣтовалъ этой комической фигурѣ подстрѣлить кого-нибудь; онъ пошелъ бы стрѣлять, топиться или къ жерлу пушки—ему все равно, онъ не сознавалъ ничего. Какая цѣль могла быть у Кюхельбекера стрѣлять въ Михаила Павловича? Человѣкъ онъ ему былъ не чужой, его дядя былъ у него воспитателемъ, его родители вращались, хотя и въ низшихъ, но придворныхъ сферахъ, онъ самъ не только ничего не имѣлъ противъ Михаила Павловича, но даже былъ восторженнымъ его обожателемъ. Нельзя не повѣрить разсказу Кюхельбекера, столь чистосердечному, что онъ покушеніемъ своимъ съ нестрѣляющимъ пистолетомъ хотѣлъ отвратить отъ великаго князя руку дѣйствительнаго убійцы, какъ Коховскій напримѣръ. Принявъ эту версію, можно понять ту ажитацію, то безцѣльное перебѣганіе съ одной стороны каре на другое, наконецъ, ту суетливость, о которой упоминаетъ даже судъ; Кюхельбекеръ даже провозглашаетъ, за отсутствіемъ Трубецкого, диктаторомъ или калифомъ на часъ Оболенскаго, который также отсутствовалъ, онъ повторяетъ слова команды и его просятъ не мѣшаться не въ свое дѣло. Отчего не принять сумасбродную мысль—отъ сумасброднаго, впавшаго въ афектъ человѣка и можно ожидать дикихъ мыслей,—что всѣмъ своимъ поведеніемъ и даже стрѣляніемъ онъ спасалъ жизнь Михаила Павловича. О немъ онъ говоритъ слѣдующее: «Что же касается до великаго князя Михаила Павловича, я бы желалъ, чтобы Господь Богъ даровалъ мнѣ случай пожертвовать за него своею жизнію. Я любезнѣе и прекраснѣе не могу вообразить себѣ юнаго героя; слова его человѣку [1]), котораго считалъ желавшимъ его смерти: «я на васъ не въ претензіи!» во всей простотѣ своей высоки, рыцарски: такъ, воображаю, могъ говорить одинъ Ричардъ Львиное Сердце! Но повѣрь же, герой, я не хотѣлъ и не могъ хотѣть твоей смерти. Горькая необходимость и твоя собственная безопасность заставили, принудили меня взять на себя притворную, но и тутъ гнусную для меня роль Равальяка.—Боюсь прогнѣвить моихъ судей, но да низойдутъ они къ языку художника, къ языку поэта, незнающаго и неразумѣющаго той важности, которая требуется въ

[1]) Т.-е. Кюхельбекеру, которому онъ эти слова сказалъ.

допросахъ и судилищѣ. Быть Блонделемъ [1]), спутникомъ въ жизни и пѣвцомъ Михаила Павловича, я бы счелъ величайшимъ для меня земнымъ счастіемъ, но чувствую, что увлекаюсь пустыми, нелѣпыми мечтами, оправдающими, можетъ быть, мнѣніе о помѣшательствѣ, въ коемъ полагаютъ разсудокъ мой. И мнѣ ли въ самомъ дѣлѣ преступнику, ожидающему казни и безславія, думать о славѣ и счастіи?.. [2])».

Это вопль растерзаннаго по невинnаго и чистаго сердца, лиризмъ кристальной души!..

Черезъ нѣсколько строкъ, полныхъ лиризма, о своей судьбѣ, о своей поэзіи и о томъ, что останется послѣ него, онъ пишетъ: «Много я говорилъ о себѣ, а забылъ о вѣрномъ слугѣ своемъ, Семенѣ Балашевѣ [3]), не бросившемъ меня въ злополучіи. — Il se trouve à ce que j'ai entendu,— retenue à Grodno: j'ose le recommander à la bonté et la grace de son Altesse Imperial le Grand Duc Michel.—Qu'il Vous appartient, Monseigneur, recevez le, daignez le recevoir d'une main indigne et criminel; mais qui vous fait un don précieux, celui d'un serviteur fidel (оказывается, насколько я слышалъ, онъ задержанъ въ Гроднѣ; осмѣливаюсь рекомендовать его добротѣ и милосердію его императорскаго высочества великаго князя Михаила.—Пусть онъ принадлежитъ Вамъ, Ваше Высочество, примите его, удостойте принять его изъ рукъ недостойныхъ и преступныхъ, но дѣлающихъ Вамъ оченъ цѣнный подарокъ: вѣрнаго слуги). Онъ мой крѣпостный".

Михаилъ Павловичъ не только простилъ ему покушеніе

---

[1]) Блондель (Blondel) изъ Неля (Nesle), въ Пикардіи, старинный французскій авторъ пѣсенъ, жившій около конца 12 вѣка. По преданію, онъ былъ любимцемъ короля Ричарда I и спутникомъ его въ крестовомъ походѣ, предпринятомъ этимъ королемъ. Блондель спасъ короля изъ плѣна слѣдующимъ остроумнымъ образомъ: онъ сдѣлался кочующимъ пѣвцомъ и распѣвалъ пѣсенку въ городахъ и селахъ, которая была извѣстна только ему и королю. Когда въ Дюрренштейнѣ или Трифельсѣ (Trifels) король отвѣтилъ ему тою же пѣснью, то Блондель понялъ, что пропадавшій и плѣненный король, найденъ имъ. Основаніемъ преданія о Блонделѣ служитъ вновь изданная (Парижъ 1876 г.) де Вали (Waily) реймская хроника изъ второй половины 13 столѣтія. Этимъ сюжетомъ воспользовался Гретри (Grétrys) въ своей операѣ: «Ричардъ Львиное Сердце», изданной въ 1784 году, либрето Седена (Sédaine). Нѣтъ сомнѣнія, что опера и либрето были знакомы Кюхельбекеру. 24 сохранившихся пѣсни Блонделя изданы Трарбе: Oeuvres de Blondel. Trarbé. Reims. 1862.

[2]) Показаніе отъ 17 февраля 1826 г.

[3]) Который сопутствовалъ ему во время бѣгства изъ Петербурга до Варшавы.

на свою особу, но сдѣлался его ходатаемъ. Кюхельбекеръ, приговоренный къ смертной казни, былъ помилованъ, благодаря ходатайству великаго князя Михаила Павловича и смертная казнь была замѣнена ему пятнадцатилѣтнимъ (15 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ) заключеніемъ въ крѣпостяхъ, а по истеченіи этого срока—пожизненною ссылкою въ Сибирь. Отсидѣвъ половину этого срока къ 12 октября 1833 года (ему оставалось отсидѣть еще до 12 октября 1841 г.), Кюхельбекеръ былъ отправленъ въ декабрѣ 1835 г. въ ссылку въ Сибирь. Здѣсь не мѣсто говорить, что было бы лучше: посадить ли его въ одиночное казематное заключеніе, или сослать на каторгу, но вмѣстѣ съ остальными его товарищами по несчастію. При его отъѣздѣ въ 1835 году на поселеніе въ Забайкальскую область, великій князь Михаилъ Павловичъ прислалъ ему прекрасную медвѣжью шубу, въ которой онъ и совершалъ многія тысячи верстъ пути отъ Свеаборга до Баргузина [1]).

Въ заключеніе приведемъ слова товарища Кюхельбекера, Дельвига, изъ письма его къ Пушкину, весьма характерныя и живо рисующія несчастнаго Кюхельбекера: „Нашъ сумасшедшій Кюхля, какъ ты знаешь по газетамъ, въ Варшавѣ. Слухи въ Петербургѣ перемѣнились объ немъ такъ, какъ должно было ожидать всѣмъ, знающимъ его коротко. Говорятъ, что онъ совсѣмъ не былъ въ числѣ этихъ негодныхъ славянъ, а просто былъ воспламененъ, какъ длинная ракета. Зная его доброе сердце и притомъ любовь хвастать разными положеніями, въ которыя жизнь бросала его, я почти былъ въ этомъ всегда увѣренъ. Да онъ бы вѣрно кому нибудь изъ товарищей не удержался сказать всю свою тайну. Дай Богъ, чтобъ это была правда. Говорятъ, великій князь Михаилъ Павловичъ съ нимъ болѣе всѣхъ ласковъ. *Какъ отъ сумасшедшаго, отъ него можно всего ожидать; какъ отъ злодѣя—ничего* [2])».

Николай Гастфрейндъ.

---

[1]) Рус. Стар. 1875 г., т. XIII, іюль, стр. 352.
[2]) Курсивъ нашъ. Письмо барона А. А. Дельвига къ Пушкину отъ 1826 года. Русскій Архивъ 1880 г. кн. II стр. 504.

Цѣна 1 рубль.